



АРКАДИЙ ЛАПИДУС

ДЫРКА
ОТ
БУБЛИКА
1

Аркадий Лапидус
Дырка от бублика 1. Байки
о вкусной и здоровой жизни

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28322592

«Дырка от бублика 1» (Обратная эволюция или Аполлон ищет смысл):

2013

ISBN 978-965-92051-1-0

Аннотация

Гибель СССР не за горами, но понимают это немногие, хотя продукты и товары исчезают катастрофически.

В это время автор встречается со своим двойником и уже оба с удивительным Богом в виде дырки от бублика.

Содержание

Цикл первый	5
Послесловие-Предисловие	8
Пролог	11
Дитя свободной любви	25
Торговец связями	33
«Золотая» молодёжь	45
Неугомонный эскулап	59
Гений	69
Вампир	78
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Аркадий Лапидус

Дырка от бублика

1

Байки о вкусной и здоровой жизни

© Лапидус А., 2013

Все права сохраняются за автором и Господом Богом рядом с Танахом, Новым Заветом, Кораном, Буддистской философией, Каббалой, Язычеством и неагрессивным и весёлым ГЕРОИЧЕСКИМ АТЕИЗМОМ!

Цикл первый

Обратная эволюция или

Аполлон ищет смысл

Гибель СССР не за горами, но понимают это немногие, хотя продукты и товары исчезают катастрофически.

В это время автор встречается со своим двойником и уже оба с удивительным Богом в виде дырки от бублика.



Неугомонный Эскулап Наум Аркадьевич

*Светлый образ одного из персонажей и главного героя
книги жизни автора*

Послесловие-Предисловие

Жизнь прогрессировала. Всё чаще и чаще мне казалось, что я – Бог, а Богу, что он – это я. Был ещё и третий, который только посмеивался. В моём последнем повествовании он косил под моего двойника из параллельной действительности, а здесь...

– Что значит «косил»? – врезался в мои мысли двойник. – Я – это ты, а ты – это я.

– И вы – это трижды я, – добавил Бог.

– Почему трижды, когда дважды? – поправил я.

– Дважды – вы это я, и одиножды – я отдельно. Один плюс два – три! – блеснул своей математической мыслью Бог.

Мда-а... Весёленькая компашечка...

Сегодняшняя наука не исключает существование Создателя. Впрочем, и в атеистическом вчера некоторые научные гении, обнаруживая какую-нибудь ошеломляющую закономерность, втихаря крестились или восхищённо произвольно выкрикивали «Барух а Шем!» или «Аллах акбар!». А такие ненаучные товарищи вроде меня, которые не всегда могут до конца и безапелляционно объяснить «Почему? Отчего? Откуда? Зачем? Для чего?» и так далее, но чувствуют, что то, что видят и о чём говорят – правильно, верно, благоприятно, вкусно и перспективно, всегда с уважением относились к природным шедеврам и их проявлениям.

– Опять бросил! – воскликнул Бог и, выпрыгнув из меня в виде традиционного старца, подбежал к очередному прохожему.

Выдернув из-под его ног окурок, он, молча, отнёс его в близстоящую урну.

– Бестолку! – сказал двойник и неторопливо тоже полез из меня.

Отодвинув огалу (тележку с пахом (ёмкостью) для мусора), он развалился на скамейке рядом со мной.

Я не шелохнулся.

– Бедный Булгаков! – сказал Бог, располагаясь тут же. – Вашего дьявола моими функциями пытался наделить. И что получилось? Получилось «Не за жизнь!», а «За смерть!». Вот и молятся «За жизнь!», а голосуют «За смерть!». Ну, чего расселся? – толкнул локтём он двойника и подозрительно игриво подмигнул мне. – Пах полный!

– Ты свистни – тебя не заставлю я ждать. Приду я дерьмо от тебя убирать! – вяло огрызнулся двойник.

Он вытащил из паха сокит (пластиковый мешок) с мусором, лениво завязал его и понёс к контейнеру.

Я потянулся и уставился в голубейшее небо. Впервые в Израиле работа была для меня сплошным удовольствием. И это не потому, что практически всю её выполняли собранные после написания книги воедино, а теперь опять расщеплённые мои «Я». Физически уставал я к концу рабочего дня точно так же, как и раньше, но морально...

Ах, как мне было хорошо! Никто не следил за каждым моим шагом, не выскакивал неожиданно из-за угла, чтобы уличить в безделии и нерадивости, не подгонял и не унижал.

Мне доверяли!!!

– Какие у вас противные самодовольные рожи! – сказал Бог, когда двойник вернулся. Что толку от жизни, если никто её не улучшает!

– Как это никто? А мы? – возмутился я.

– Вот именно! Сам пью, сам гуляю, сам стелю и сам лягаю! Кайф! – ухмыльнулся двойник.

– Идиоты! – пробурчал Бог и побежал к следующему прохожему...



Пролог

Труп улыбался.

Ему было хорошо.

Вокруг суетились, кричали, роняли стулья, а ему всё это было до лампочки. Он готов был даже расхохотаться, но позволил себе это только в морге.

– Раз мы родились, то обязательно умрём. Поэтому нет никаких оснований для пессимизма, – сказал кто-то, и труп расхохотался ещё громче.

Этот смех и разбудил меня. В окно светила круглая и нахальная, как дурак, Луна. Справа всхлипывала во сне некрасивая от хронического переутомления и недосыпа жена. Слева посапывала и вздрагивала счастливая в своей животной свободе и потому беременная бог знает от кого собачка Чуча-Божий Подарок, а за стеной свистела и хрюкала вечно живая и неистребимая тёща.

– Израиль – родина для слабых. Для сильных это транзит! – хмыкнул тот же кто-то, и я вскочил с кровати.

Натыкаясь на стулья и косяки дверей, я дошёл до туалета, а после него завернул на кухню. За круглым железным дачным столиком сидел мужик с невыносимо знакомой рожей и пил мою любимую на сегодня смородиновую водку.

– Тс-с! – сказал он и, пьяно качнувшись, приложил к губам палец. – Я ненадолго.

– Да ладно. Сиди уж, – пробормотал я и налил себе тоже.

И в Алма-Ате моя квартира была больше похожа на проходной двор, чем на крепость, и здесь двери не запирались ни днем, ни ночью. Время от времени какие-то люди входили и выходили. Иногда кушали. Иногда пили и пели. Иногда ночевали и оказывались знакомыми моей жены или дочери. А некоторые даже совершенно откровенно намекали на то, что неплохо было бы им здесь и остаться.

– Ты извини, брат, перепутал я «виллу». Мой сарай такой же прямоугольный и мерзко серый, как твой, – продолжил гость. – Всю ночь пью. Тёща совсем затрахала.

– О! – обрадовался я. – Знакомая тема. Вчера сказал своей, что всякая невзаимность – извращение, и поэтому я не люблю её с той же силой, с какой она не любит меня.

– Так и сказал?

– Ну да. Пока жены не было.

– И что?

– Обиделась, конечно. Зато лицемерия поубавилось.

– Психолог!

– Да уж!

– Попробовать, что ли, тоже... – задумался гость и... исчез.

Я протёр глаза и уставился на бокал, в котором ещё колыхалась водка. Ни удивления, ни досады, ни паники в душе не было. Работа выматывала до такого отупения, что реальность и сон смешивались и сон был чаще намного ярче и

интересней, чем то, из чего он формировался. А вкалывал я в это время в супермаркете никайонщиком. Никайон – это уборка, и если бы это было только так, то это было бы благо. В действительности же в том супере, где я радовался очередной возможности хоть что-то заработать, чтобы расплатиться за съёмную квартиру и счета, – так вот, в этом супере, да и, по слухам, почти во всех других тоже, никайонщик был чем-то вроде «опущенного» в тюрьме. Петушина суть проявлялась в том, что все кому не лень могли в любой момент наплевать тебе в душу и любое другое место и заставить вкалывать вместо себя. А не нравится – лех а байта! (иди домой!): за воротами толпы престарелых «чёрных» нелегалов, которым сумма пособия по старости – как смертный приговор с растянутым на годы исполнением.

И всё-таки я был счастлив. Во-первых, потому, что жив и не так сильно покалечен морально и физически, как некоторые, а во-вторых, потому, что, при всей своей неординарности, создал в своё время и сохранил по сегодняшней день семью, что тоже удаётся немногим подобным.

Да что там далеко ходить: недели две назад отошла в мир следующий (или в этот по новой!) Мирьям. Романтик, лирик и вообще близкий мне по духу человек. Ну, отошла – и отошла! Все мы в своё время, слава богу, это сделаем. Но плохо то, что она лежала на полу уже остывшая и совершенно неэстетично увеличивалась в объёме три дня, пока полиция не выломала дверь. Не было никого рядом, кто смог бы вовремя

подать лекарство или вызвать скорую помощь, а может быть и похоронную команду. Одиночество, как ни крути, состояние совершенно противоестественное на этом свете, и целесообразность его, кроме как в творчестве, очень сомнительно.

Что такое?

Я протёр глаза.

Гость опять появился.

Это становилось интересным.

– Сказал? – спросил я, гадая, сплю я или нет.

– Сказал, – вздохнул гость. – Такая реакция, что я опять к тебе.

– Ну, давай ещё по рюмочке. За успех нашего предприятия.

– Давай!

Мы чокнулись, выпили, и я уже с откровенным любопытством уставился на него. Брюнет, но нос – точно мой. Две борозды на переносице и... «индикатор»! На носу точно такая же, похожая на тлеющий уголь, точка, как...

– Да это же... я?

Последнюю фразу я произнёс вслух, на что гость только усмехнулся.

– А ты только сейчас заметил? – сказал он. – Я уже давно это понял. Как и то, что «вилла» не случайная. Только не я – ты, а ты – я. Впрочем, скорее всего, и то и другое одновременно. Судя по одежде и по масти, мы каждый сам по себе, а судя по сути – одно целое. Вполне возможно, что наши

грубые бранные части спят сейчас каждая в своей супружеской кровати, а тонкие нетленки пьют водку на нейтральной между двумя зеркальными мирами территории.

– Ого! Хороший сон! Как же ты успел и спать, и одновременно к теще смотаться?

– Спроси что-нибудь полегче, – сказал гость, конечно же, из параллельной, а не зеркальной реальности.

Фантастику я любил, поэтому сразу понял, что к чему. «Индикатор» у него пылал на той же левой стороне носа, что и у меня. И то, что со временем и пространством, да и со всеми остальными законами и явлениями природы происходят иногда какие-то метаморфозы, – факт. Однако гипотезу о том, что мы спим, стоило поддержать. На всякий случай! Во избежание лишних стрессов и разочарований.

– Ну, спим, так спим, – сказал я. – Оно, может, и к лучшему. А то что-нибудь пропадёт, а я на тебя подумаю.

– Верно! – рассмеялся гость. – Давай сюда рукопись. Что уставился? Роман давай! Я свой потерял. Думал, сдохну от расстройства.

– Так – нет!

– Чего – нет?

– Того и нет. Как-то искал, да плюнул.

– Та-ак... Это наши жёны...

Я обмер. Точно! Моя ненаглядная давно обещала выбросить все мои писульки, накопленные почти за сорок лет, в помойное ведро. И как женщину – хранительницу очага я

её понимаю и не осуждаю. Доходу от результатов бессонных ночей и зачумленных дней не было никакого. А в издание автобиографического сборника повестей «Любимец Израиля» – про себя, родимого (такой я «любимец», что удивляюсь, как до сих пор жив-то!), – ушли все наши жалкие накопления и даже часть годовых, таких же жалких, подработок студента-сына. Тем более, что некое вчерашнее СССРовское, а сегодня русскоязычное писательское светило Израиля очень презрительно-брезгливо и даже возмущённо отзывалось на днях по московскому телевидению о тех, кто издаёт сам себя на свои деньги без высочайшего благословения признанных, именитых, заслуженных и бюрократически узаконенных. Как будто бы это с жиру! Как будто бы есть другой, более быстрый, путь дойти хоть до какого-нибудь непредвзятого читателя, не имея ни послужного списка, ни имени, ни знакомств, ни счастливого случая!

Ну, бог с ним! У каждого свой счёт в занебесном банке! И зря думают некоторые, что это поповские сказки. Оторвитесь от мертвечины вещей и суеты ради этой мертвечины. Вспомните, что вы пока ещё вроде бы живые и вроде бы люди и вещи для вас, а не вы для них. Приглядитесь внимательнее: проценты с этих счетов на каждом шагу, и не только у меня или у тебя, а у целых народов, стран и даже всей нашей матушки Земли, а может быть, и вселенной. И я счастлив тем, что пусть кровью и жесточайшими ограничениями себя во всём, но написал то, что хотел и как хотел, и смог издать

написанное, ни под кого не подстилая ни себя, ни Бога!

Не сговариваясь, мы одновременно потянулись к бутылке, и в это время потолок треснул точь-в-точь, как в рассказе одного из героев романа. Мы уставились в трещину. Из неё показалась дёргающаяся голая волосатая нога в кроссовке. За ней – вторая. Зрелище было жуткое. Как будто бы кто-то выкарабкивался из завала от взрыва или землетрясения.

Схватив стулья, мы взобрались на них и, уцепившись за ноги этого кого-то, попытались ему помочь.

Не тут-то было! Несчастный застрял напрочь, и его дрыганья всё больше походили на агонию.

Наконец, лягнув моего гостя в челюсть, а меня в плечо, он замер. Мы дёрнули ещё пару раз и слезли со стульев.

– Кончился, – сказал двойник, и в это время тело застрявшего начало вытекать из щели.

– Ай-я-яй!..

Подхватив бедолагу, мы уложили его на пол и отшатнулись. Ни лица, ни головы не было, а на том месте, где всё это должно было располагаться, плавало в воздухе что-то... очень похожее на распавшиеся ошмётки дымного кольца с тёмным пятном посередине.

– Дырка от бублика! – растерянно ляпнул двойник, и тело дёрнулось.

Мы отскочили.

– Правильно! Догадались-таки! И я – дырка, и вы – то же самое. По образу и подобию. И всё и вся из дырки и в дыр-

ку. Аминь! – раздалось из-под соединившегося в одно целое кольца.

– Господи, что это? – вырвалось у меня.

– Я это! Я! – зевая, заскрипело из центра тёмного пятна, которое начало очень динамично сжиматься и разжиматься в такт словам, словно рот. – Опять вирус в программе... Куда голова делась?.. А, пропади оно всё пропадом! В конце концов, в Начале было Слово, и Слово было у меня, и Слово было – Я!

Тело раздулось, как воздушный шарик, поднялось и, закачавшись из стороны в сторону... лопнуло!

Мы упали на пол, и я всё понял, а как потом узнал, это же понял и двойник. Финальная часть рассказа одного из героев романа «Цирк! Цирк! Цирк!» материализовывалась, но в обратном порядке, в другом варианте и на более высоком уровне. Новый гость, от которого остался только плавающий в воздухе дымный круг с пятном, был не Иисусом, а Богом-Отцом. И когда мы очухались от страха и дрожащими руками разлили уже в три рюмки оставшуюся водку и выпили (причём третья рюмка опрокинулась прямо в дырку от бублика), то поняли, что если это и сон, то очень уж необычный, яркий и масштабный. Впрочем, насчёт любых масштабов и их относительности у меня, да и у моего двойника, было своё особое, диссидентское мнение.

– Вот что, ребятки, – уже не скрипя, а вполне нормально и буднично, да ещё и тёплым голосом наших покойных отцов

сказал Бог. – Вы писали «Все права сохраняются за автором и Господом Богом»?

– Ну, – сказали мы.

– Баранки гну! – передразнил Бог. – Считайте, что я на правах соавтора прибрал рукописи и, как всё в этом мире, сделал это опосредованно, то есть через помойное ведро.

– А-а, – вздохнули мы облегчённо.

– Два! – опять передразнил Бог. – Можно подумать, что вы что-то поняли.

Мы переглянулись.

– Вернуть ничего нельзя. Таковы установленные мной законы и программы некоторых миров. И не смотрите на меня так. Закон божий – и для Бога закон. Иначе опять хаос и всё по новой. Вернуть рукописи я не могу, но быть им в новом варианте в конце концов. И не думайте, что я это делаю только для вас. Если бы не мой шкурный интерес, так бы вы меня и видели!

– Что за чушь? – вырвалось у двойника.

– Сами вы – чушь! – снова передразнил Бог. – Ни слуха ни ритма нет, а на скрипках наяривают. Сто слов на иврите выучить не в силах (иврит твою мать!), а вирши на земле израильской катают. Мозги куриные, а думают, что думают, и даже пытаются что-то понять. Диву даюсь, глядя на вас! Впрочем, это-то и подвинуло меня к вам. Похоже, что... А, ладно! Всё равно не поймёте...

– Да ты что? – возмущённо воскликнули мы. – С одной

рюмки закосел?

– Ну вот, уже и тыкают, – покачал пятном Бог. – Разгильдяи! Беспредельщики! Да дай вам волю Божью – вы всю вселенную похерите. С вашим нищенско-хапальным мировоззрением, моё – моё и твоё тоже – моё, вам надо в тюрьме сидеть с цепью на ногах и в колодках, а не с Богом разговаривать. У меня тоже всё не чужое, но ведь не хапальное же, а родное!

– Что правда, то правда, – съязвил я. – В тюрьме самое место и время с тобой лясы точить.

– Убогие вы. От убогости и хамите, – так же спокойно и по-отечески сказал Бог. – Скажите спасибо, что вы не там. Когда без меня свои шедевры царапали, тюрьма по вам плакала горячими слезами. Слава мне и программе: мы вовремя подключились.

– Ну, спасибо, братан! То есть, извини, – пахан! – съязвил теперь уже двойник. – Как после этого не любить тебя!

– Вот и любите, авторы хреновы. Что вы там наворотили? Кто вам позволил лезть в святая святых? – уже совсем дружелюбно и даже как-то радостно сказал Бог.

– А это ты у себя спроси, – опять съязвил я. – Я, например, когда писал, иногда сам не понимал, откуда что берётся, зачем и про что. Да и близнец вон кивает.

– Мда... – хмыкнул Бог. – Ну, ладно. Чёрт с вами! Тьфу! То есть я, конечно, с вами, что, в общем-то, для вас одно и то же.

Мы снова переглянулись.

– Вы далеко не ум, совершенство и средоточие вселенной, хотя, безусловно, часть её. Так?

– Так, – согласились мы. – Ну вот. Отсюда и получается, что если некоторые, особенно нахальные, думают, что поймали меня за бороду, которой в действительности нет, не было и никогда не будет, и, находясь в наркотической нирване, могут без конца и предела дёргать из неё волшебные волоски, то это скорее печально, чем преступно. Согласны?

– Ещё бы! – так же в голос выпалили мы.

– Вот и мотайте на ус, раз согласны. Нелегко понять чужую кровь: я ненавижу читающих бездельников! Читаем «Отче наш» – и поехали! И на всякий случай запомните, что молитва действует как транспортное средство только после непосредственного контакта со мной.

– Куда поехали-то? – изумились мы.

– Туда! Во время действия. Будете сами материализовывать (не без моего участия, конечно!) из киноленты вашей памяти новую реальность в реальности, уже состоявшейся по вашей вчерашней писанине. Ну что глазами лупаете, мыслители? Каждое мгновение вашей жизни и всё, что вас окружало в это мгновение, – в вас. Всё фиксируется и складывается. Всё! Конечно, вы ещё не научились воспроизводить и материализовывать всё, что в памяти, но какие ваши годы! Время назад – плёвое дело! Реальность состоялась и улетает во все стороны, как свет звезды. Двигаемся по лучу времени

в обратную сторону и попадаем в любую точку пространства прошлого. И это только один из вариантов. Ну-ка, напрягите свои куцые мозги. Вспоминайте пролог. Работайте, работайте!

– Пожалуйста, – начал я обиженно. – Не такие уж мы и куцые. Шёл тысяча девятьсот восьмидесятый год от рождения Христова. Закат псевдосоциализма знаменовался пышным фейерверком московской Олимпиады и похоронами.

– Конечно, перед смертью все равны, но перед жизнью – совсем другое дело, – подхватил двойник. – Что значит наша кончина по сравнению с кончиной Этого... или Того... или даже Самого?..

– И вдруг смерть какого-то пьяницы и «так называемого» поэта-барда всколыхнула страну, – уже веселее продолжил я. – Вся знаменитая официальная сволочь сначала удивилась, потом возмутилась и лишь после этого, пережив пароксизм лютой зависти, начала изображать из себя покровителей и чуть ли не благодетелей почившего поэта. При жизни никто из них не поспособствовал даже напечатанию в официальной прессе хоть одной его строчки, хотя их папки, мамки, детки, дядьки, тётки, сватья и знакомые издавали тома своих, никому не нужных, поэм. Жизнь ещё раз посмеялась и показала, что *месть в конце концов – прерогатива Бога и только Бога, а исполнение приговора почти всегда как бы случайно*, и что крупное может оказаться ничтожным, а ничтожное – крупным, и *шовинизм* в любом его виде – самое

разрушительное зло человечества. Умер...

– Владимир Высоцкий! – присоединился двойник.

– Впрочем, почему умер? – уже почти радостно подправил я. – Разве Пушкин умер?

– Или Лермонтов! – подхватил двойник.

– Догадались-таки! Всё, что жизнь, – продолжается! – режюмировал Бог и зевнул. – Я вас любил: любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем! Отче ваш, Иже еси на небесех! Да святится имя мое, да придет Царствие мое; да будет воля моя яко на небеси и на земли...

– Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, – закончили мы.

– Вот именно! Избави вас и меня от лукавого, которого вы же и материализуете своей верой в то, что он есть, – опять зевая, добавил Бог, и кухня растаяла, а мы, подхваченные песней Олега Митяева, тут же оказались посреди базарной толпы, слившись в единое целое сначала с героем, а в дальнейшем и со всеми остальными:

Жизнь замечательных людей
Не замечательней нисколько
Собственной жизни или дней,
Памятных нам самим, и только.
И где бы ни выпало нам жить,
Но в сонном полёте невесомом

Нам предназначено парить
Над нашим городом и домом...

Дитя свободной любви

Молодой человек не был грузином, хотя и обладал фуражкой-аэродромом с необъятными полями и смешным отверстием для головы. Не был он и одним из сыновей или внуков Остапа-Сулеймана-Берта-Мария-Бендер бей Задунайского. Впрочем, кто его знает...

Несколько избыточная космополитичная улыбка молодого человека на столь же космополитичном по своей географии лице была той визитной карточкой, которая любому представителю как большой, так и малой нации и народности заявляла о своей лояльности и родстве.

Словом, в крови владельца фуражки-аэродрома бурлил и искрился коктейль из исторически выдержанных и характерных кровей.

– Всё своё лучшее несу с собой! – любил повторять он, видимо скрывая по гуманным соображениям, местонахождение всего своего не лучшего.

Не была грузинкой и тетка в базарном наряде сомнительного санитарного состояния. Едва возвышаясь над огромным, туго набитым мешком, она продавала жареные семечки, а молодой человек стоял рядом и, щурясь от солнца, философствовал.

– Здесь я свободный гражданин, мамаша. Потому как не вы меня выбираете, а я вас. И мне нравится этот базар жиз-

ни! Учтите, мамаша, я не сказал «барахолка», я сказал – базар. Благородная легальность и гибкая конъюнктура цен! Сколько семечек помещается в этот напёрсток?

– Много, сынок, много. Брать-то будешь?

– А как же! Много – это символ! Это флаг и маяк! Это конечная цифра человеческих стремлений! Сыпьте на все!

Новенький хрустящий рубль перепорхнул из кармана пиджака в маленький потайной межгрудный гаманок, и антисанитарный поток семечек зашуршал по кулямкам.

– Приезжий ты, хлопец, сразу видно...

– Все мы приезжие, мамаша! «Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать. Может быть, и скоро мне в дорогу бранные пожитки собирать».

– Это точно! В тюрьме особенно не нарадуешься. Мой зятек давеча их мордобой описывал. Ужас!..

– Стоп, мама стоп! Я про тот свет, а вы про какой?

– Про этот...

Тётка растерянно заморгала.

– Мда-а! Университеты этого – не фонтан! Особенно гуманитарные. Адье! – весело козырнул молодой человек и растворился в гомоне и сутолоке.

Тётка вздрогнула и тупо уставилась в мешок.

В её голове формировалась вселенная.

– А ты образованием нам не тычь! – наконец вырвалось из неё. – С такими аэродромами, как у тебя каждый второй имеет судимость! Ишь, гуманитарий нашёлся! Шпана про-

клятая!..

Базар шумел и волновался.

Особенно сильный акустический эффект узаконенного свободного сбыта присутствовал в крытой его части.

Туда и направился молодой человек. Он не слышал последних слов тётки и потому продолжал смотреть весело и иронично.

Под стеклянными сводами сталкивались и рассыпались шёпот и вскрикивания, бормотания и споры, сопения и сморкания, жаркие страсти и тихие желания. А над всей этой какофонией плыл бархатный голос диктора. Он отечески знакомил присутствующих с правилами торговли и поведения.

Никто не слушал диктора – все слушали только себя!

Обладателя же приятного баритона это нисколько не смущало, ввиду простого отсутствия, а в радиорубке шуршала магнитофонная лента и стукались стаканы с «белым крепким»...

У мясных рядов было особенно весело. Несмотря на ещё вчера сумасшедшие цены, тут стояла толпа, в которой с трудом угадывалась некая змеистость, характерная для нормальной очереди.

– Как потопаешь, так и полопаешь, а как полопаешь, так и потопаешь! – сочувственно заметил обладатель фуражки-аэродрома, наблюдая тривиальную сцену избиения дюжим сытым мясником тихого голодного алкоголика, при-

гревшего за пазухой кусок неоплаченной говядины.

Однако чувство высокой нравственности и тут теряло меру, и молодой человек сделал решительный шаг. Литая ладонь опустилась на плечо самодеятельно-махровой фемиды:

– Довольно, кацо! Так сильно не омрачай праздника!

Мясник дёрнулся, и его налитые святой справедливостью глаза уставились на фуражку.

Головной убор сработал! Отпустив жертву, мясник сплюнул и тяжело зашлёпал в свой призывно гудящий золотой улей.

– Грешно забывать классику! – обратился к алкоголику спаситель, помогая ему всунуть руки в сброшенный на пол пиджак. – У попа была собака – он её любил. Она съела кусок мяса – он её убил!

Зрелище затравлено трясущейся тени бывшего человека было до того жалкое, что из импортного кармана появился ещё один рубль, и жертва социального прогресса, ещё не до конца осознавая свалившееся на неё счастье, равномерно-ускоренно засемила к выходу.

– Мда-а! – ещё раз подытожил молодой человек и направился к фруктовым рядам, которые, понятное дело, благоухали витаминами.

Дородная дама, неопределенного интеллектуального уровня и возраста, важно прогуливалась вдоль этого изобилия, не оставляя без внимания ни одной фруктовой горки. Двумя пухлыми пальчиками, опоясанными, как и почти все

остальные, бриллиантовыми изделиями, она брезгливо вылавливала немытую ягоду или нарезанную для пробы часть фрукта и отправляла её в ярко раскрашенный рот. Её изысканный дегустационный вкус, видимо, не находил удовлетворения, и, задумчиво пожевав и отбросив надкусанное, дама переходила дальше.

Продавцы, загипнотизированные столь обильным ювелирным блеском, с беспокойством следили за ней.

Молодой человек находился тут же. Он остановился около торговца необычайно крупными персиками и с весёлой улыбкой наблюдал эту комедию:

– По второму кругу пошла. Ну, держись, торговая гильдия!..

Замечание попало в цель.

Горделиво возвышаясь над своим нежным товаром, торговец тут же освободился от ювелирных чар и с нарастающим негодованием наблюдал за приближающейся лакомкой.

Дошла очередь и до него.

Завороженная золотистым персиковым сиянием, дама не заметила горящего взгляда узбека. Её рука уже уронила тень на селекционное чудо, но тут над фруктовым раем рассыпались колокольчики орлиного клёкота. Это узбек ловил руками воздух, не в силах проглотить распирающий его комок возмущения:

– Это персик! Понимаешь? Персик! Особый сорт! А ты кто? Зачем лапаешь? Зачем кусаешь? Семь рублей кило-

грамм! Понимаешь – семь! Есть деньги – бери!

Нет денег – иди! Все ряды объела!.. Дизентерией заболела, холера тебя возьми!..

Дама побагровела.

Её глаза уже заалели зловещим индикаторным блеском и ближайшие торговцы напряжинились в предвкушении роскошной корриды, но... вдруг всё пропало.

– Спекулянт! – презрительно-спокойно процедила дама и величаво отчалила на норд-вест, к призывно белеющим айсбергам полупотрошёных кур.

– Мда-а! – опять пропел молодой человек и, взглянув на часы, устремился к цветочным рядам.

Скупив почти все имеющиеся в наличии одурело пахнущие розы и изрядно взволновав этим продавцов, он поспешил к выходу.

– Счастливец! – заметил кто-то и... ошибся!

Хотя на лице героя не меркла лёгкая, как солнечный блик, улыбка, на душе было пасмурно.

– У каждого человека горе – смерть близких! – без конца повторял он в последнее время, что было связано с преждевременной кончиной матушки.

И тут, несмотря на то, что человеческая память обладает счастливой способностью ярко высвечивать из прошлого всё лучшее и смягчать, а иногда и окрашивать в розовый цвет всё остальное, автор, в интересах истины, постарается быть предельно объективным. Молодость матушки молодого че-

ловека не была обременена чугунными колосниками девичьей морали! К этому располагала её незаурядная внешность и эвристическое воспитание.

Однако, в соответствии с неумолимыми законами природы, полные острых ощущений и захватывающих приключений творческие амурные искания на время приостановились с рождением очаровательного и необычного младенца.

Появившись на свет младенец не кричал, как все нормальные дети, а... смеялся!

Напуганная таким явлением, акушерка рефлекторно хлопнула его по попке, и, обиженный этой первой реакцией окружающей среды на здоровый природный смех, ребёнок заорал...

– Слава Богу – не асфиксия... – устало промолвила акушерка и показала дитя матери.

– Обаяшечка! – пролепетала счастливая мать и нарекла новорождённого в честь бога света, покровителя искусств и предсказателя – Аполлоном.

Редкое имя обязывало, и дитя свободной любви получило самое разностороннее и обширное образование. Аполлон пел, прекрасно танцевал, играл на множестве музыкальных инструментов, свободно рифмовал «кожу» с «рожей» и ударом ребра ладони раскалывал обожжённый кирпич...

Но вернёмся к базару!

– Поль! Поль! – пронзительно тонко раздалось у выхода из крытого рынка, и Аполлон попал в объятия солидного муж-

чины с лысиной, отороченной седым полумесяцем бывшей шевелюры.

– Наконец-то! А то я уже начал думать что мы разминутись. Быстро в машину! Тётушка ждёт нас на даче! – сказал обладатель природной тонзуры и, перехватив цветы, повел Аполлона к белой «Волге» с шофёром, брезгливо рассматривающим стоящий впереди «Запорожец».

Торговец связями

Соломон умел ладить со всеми, и поэтому у него не было ничего своего – всё было государственное!

Конечно, костюмы были его личной собственностью, как и вообще вся одежда, ковры, хрусталь, огромный японский телевизор и весьма внушительные суммы не только на берегательных книжках.

Но всё это были мелочи.

Так себе!

Система минимального физического жизнеобеспечения!

Душа же принимала только государственное!

Занимая не очень большой пост, но имея очень большие связи, Соломон жил по самому большому государственному счету. И всё потому, что даже те, кто по своему служебному положению означали всё, всё достать не могли. Соломон же мог!..

Сейчас, сидя в зашторенной «Волге» рядом с племянником со стороны жены, он тяготился мыслью о том, что же будет просить тот. Тренируя свою способность угадывать желание клиента на полувздохе, Соломон перебирал в уме всё, что могло бы иметь щемящую ценность для двадцатидевятилетнего холостяка.

– Мне ничего не надо, дядюшка – у меня всё есть! – как бы услышав его мысли, сказал Аполлон. – И вообще, я приехал

не работать, а трудиться.

То есть преодолевать естественные трудности, а не быть рабом их.

Дядюшкины брови поползли...

– Я вообще противник всякого рабства в любом его виде и под любым соусом. Даже «раб Божий» – унижение и пришибленность, а не достоинство и тем более не образ и подобие Божие. Ни одной секунды своего сознательного существования я не работал – я трудился. Свободный труд свободной личности! Вечный субботник, вечный праздник раскрепощённого труда! – Аполлон с досадой всосал краем рта воздух. – Нельзя ли раздвинуть эти жёлтые занавески и взглянуть на мир широко раскрытыми честными глазами?

Не дожидаясь ответа, Аполлон отдёргнул тряпочные лоскутки.

– Шутник ваш племянничек... – заметил шофёр.

– Я Аполлон – бог света! Да здравствует свет и да сгинет тьма! А тем паче – серость!..

Видимо, последняя фраза была принята шофёром на свой счёт, так как всю остальную часть пути он хмуρο молчал...

Дачный коттедж представлял из себя эклектическое чудо. Претенциозная фантазия восточного заказчика соединила в этом скромном государственном домике (по сравнению с другими хоромами) разные архитектурные эпохи и даже прозрения в будущее. Дворец графа Воронцова, находящийся в богатом Крыму, имел бы весьма пристыженный вид

рядом с этим дачным пирожным. Подсвечиваемый изнутри ни в чём не повинными россыпями лампочек Ильича, вкрученных в венецианского хрусталя люстры, коттедж, как сказочный фрегат, плыл в необъятном садовом аромате, отгороженном от посторонних любопытных глаз глухой бетонной стеной.

Вечерело.

На веранде, за белым роялем, сидел облачённый в махровый халат свежевывымытый Аполлон.

Он вяло музицировал.

В тиснёных кожаных креслах финского гарнитура из карельской берёзы возлежали дядюшка и тётушка. Посасывая через пластмассовые трубочки гранатовый сок, они мирно переругивались.

– Ты стал недалёким человеком, Соломон!

– Я? Недалёким? Хм...

– Да-да – ты! Это другим можно втирать очки, а я-то тебя вижу насквозь. Меня не обманешь! Ты вот так живёшь и думаешь, что это хорошо.

– Ну да – это плохо!

– Плохо, Соломон, плохо! Ты отупел, зарос жиром, перестал видеть людей и уж тем более понимать их. А ведь у тебя был талантище! Я помню, когда мы с тобой впервые встретились, ты сразу сказал, что я – это всё! Ты был провидец! А теперь ты стал похож на этих вурдалаков...

– С кем поведёшься, кисонька. С кем поведёшься...

– А ты не водись! – тётушка капризно оттопырила мизинец.

– А ты в финские кресла не садись! – в тон ей усмехнулся дядюшка.

– Чем эти упыри будут сидеть, так лучше уж я.

И вообще – мир хижинам, война – дворцам! – тётушка причмокнула, всасывая очередную порцию сока.

– Правильно, о моя хижинка! – рассмеялся Соломон и дребезжащим голосом тоненько проблеял: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой!».

– Слышу звон бубенцов издалёка! Может, подыграть? – тут же откликнулся Аполлон и взял несколько мажорных аккордов.

– Ты сильно изменился, Поль, – вместо ответа заметил дядюшка. – Мне кажутся несколько странными твои мысли...

– И изречения! – закончил племянник.

– Да-да! И потом, что это за маскарад был на тебе сегодня? Кепка... Какой-то сумасшедший лапсердак... У тебя же должен быть прекрасный вкус!

– Шоковая одежда, дядюшка! Дорожно-шоковая! Скучно мне! Невыносимо скучно! Тоска разъедает, как ржавчина! Собственно, поэтому я здесь и сижу... в вашей благословенной Алма-Ате! Днём сердцебиения... страхи какие-то... а ночью... Вчера во сне я разрубил топором голову маме... Освободил от боли... Она так молила меня об этом!.. Так молила!.. Вот!.. Опять началось... – Аполлон схватился за

пульс и побледнел.

– Соломон, ты изверг! У нас такое горе! – тётушка отставила стакан и всхлипнула.

– Я понимаю, но надо держаться... Крепиться...

– А почему надо? Для кого? – прерывисто откликнулся племянник. – Кому нужен этот театр масок? Нет, господа, сам не испытываешь – другого не поймёшь!

Аполлон склонился к роялю и, нервно наигрывая «К Элизе», продекламировал: «Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг исчезнет при слове рассудка; и жизнь, как согласишься с холодным вниманием вокруг, – такая пустая и глупая штука...».

– Печорин! Вылитый Печорин! Бедный мальчик!..

Тётушка опять всхлипнула.

– А?.. – просипел племянник и, неровно дыша, уставился в своё бледное отражение на крышке рояля. – Впрочем, конечно... намешано всякого... Наверное, есть и что-то своё, но что? Может быть, ты скажешь, о жрец самых честных местных правил? Ты же мудр, как твой библейский предок!

– Не знаю, Поль, не знаю...

– И я не знаю...

Бурные переливы аккордов ударили по хрустальным побрякушкам люстры, и Аполлон выдал на всю мощь своего великолепно поставленного голоса:

– «Передо мной веков бесплодных ряд унылый проходит. Властвовать Землёй наскучило. Без наслажденья я сею зло.

Нигде ему не нахожу сопротивленья...». Нет, господа! Нет и ещё раз нет – зло я не сею! По крайней мере специально... И вообще, похоже, что я на грани... Моя мама не вписывалась в социально удобную женщину, но она была для меня и папой, и мамой, и бабушкой, и дедушкой. Я всем обязан ей! Всем! А она растаяла, как свечка... На глазах... Саркома, граждане! Злокачественное новообразование!.. И метастазы! Метастазы, чёрт бы их подрал!.. Она была тёплая, когда я её хоронил! Почему? Почему?.. Она не умерла! Она занималась йогой! Она умела отключаться! Это была каталепсия! Да-да – она не умерла! Я закопал её живую! Живую!..

У Аполлона задёргались плечи.

– Мальчик, дорогой, не надо... Не надо!..

Тётушка подбежала к племяннику и, глотая слёзы, обняла. Дядюшка тоже растерянно заморгал и суетливо поднес стакан с соком:

– Ну, ладно... Ладно... Выпей... Легче станет...

Страдалец сделал глоток и с досадой тряхнул рукой:

– Чёрт знает что! Зачем живём? Что суетимся? Что выигрываем? Все мы, как только родились, уже проиграли, потому как умрём!

Аполлон ещё раз тряхнул рукой, но уже более решительно:

– Впрочем, наше дурацкое мельтешение... Убери эту изжогу, дядюшка, и неси шампанское и ананас. Я на кухне видел это заморское чудо. Мама у меня была... Да что теперь

говорить! Всё равно откапывать поздно... Тем более что она завещала...

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Весь я в чём-то норвежском! Весь я в чём-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекот аэропланов! беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! крылолёт буеров!
Кто-то здесь зацелован! там кого-то избили!
Ананасы в шампанском! – это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грёзо-фарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы – в Нагасаки! Из Нью-Йорка – на Марс!

Аполлон снова взялся за пульс и ещё нервно, но уже об-
легчённо вздохнул:

– Вот, пожалуйста! Отпустило! Вегным кугсом идём, то-
вагищи!

Через несколько минут все пили шампанское и, смеясь,
рассказывали друг другу анекдоты и весёлые, вполне прав-
доподобные истории. Слегка захмелевший дядюшка позво-
лил себе даже посетовать на свою, весьма не хилую, судьбу:

– Деньги в наше время – ерунда! Что на них купишь? Нуж-
ны связи!

– Фройндшафт энд френдшип?

– Вот именно! Я всегда тонко чувствовал конъюнктуру.

Сейчас все крепко повязаны друг с другом...

– Как в шайке-лейке!

– Ещё безобразней, Поль, потому как по мелочам. И вообще, не я породил этот бордель, а бордель породил меня. По своим способностям я мог быть вторым Плевако или первым дипломатом, но всё это не очень-то требуется и не очень-то оплачивается в наше время. На хорошее дело таланту путь неперспективен. В гробнице талантов мы живём. В гробнице!

И тут уж, как говорится, спрос требует предложения, а для них... – дядюшка ткнул пальцем в люстру, – нужен я такой. Снабженец! Козырная шестёрка! И знаешь, Поль, у меня так называемых друзей почти столько же, сколько абонентов в телефонной книге, но случись что – все отвернутся. Впрочем, может быть, и не все, и то потому, что мне слишком много известно такого... – дядюшка брезгливо сморщил нос.

– Как вверху играют, так внизу и пляшут!

– Истина! Великая истина! Впрочем, что я тебе рассказываю. У тебя же самого богатейший опыт...

– Вот именно! Поэтому я и хочу не работать, а трудиться. А может быть, я хочу и чего-нибудь другого?.. Не знаю... Одно ясно – устал я ломать перед каждым подонком шапку своего ума и таланта.

Люди посланы делами.
Люди едут за деньгами.
Убегают от обиды, от тоски.
А я еду, а я еду за мечтами,
За туманом и за запахом тайги.

С завтрашнего дня я завкультмассовым сектором одного из ваших местных клубов!

Тётушка оторвалась от журнала мод и в ужасе всплеснула руками:

– Что ты! Бог с тобой, Аполлон! С твоим образованием! С твоими талантами! И потом, там же платят копейки!

– Искусство принадлежит народу, тётушка! Вот я и иду в народ. А деньги... Есть у меня... На ближайшие пять лет хватит.

– А что, забавно... Иди, Поль, а я посмотрю и, может быть, – за тобой! – дядюшка поднял бокал.

– И не надо транжирить свои копейки. Пока ты здесь, – я твой меценат и спонсор. Ура, обеспеченным народовольцам!

– Ура! – ответил племянник, и бокалы сошлись в хрустальном звоне.

– Что вы, сумасшедшие? Какой народ? Мальчику нужно идти в филармонию, оперный театр, эстраду. На телевиденье, наконец!

– Всё было, всё надоело! Не было самодеятельности. Кстати, прекрасное двухкоренное слово – «сам делаю»! Вполне совпадает с моим божественным предназначением. Ура пер-

вому самодеятельному творческому коллективу «Бог Саваоф и компания»!

В глубине дачи зазвонил телефон.

– Странно, кто бы это мог быть? – пробормотал Соломон и вышел.

– Я знаю, что тебе нужно, Аполлон. Тебе нужно жениться.

Ты уже вполне, так сказать...

– Половозрелая особь, тётушка, половозрелая!

– Фу, Аполлон, фу! Я говорю дело. Пойдут детки – и сразу всё встанет на свои места.

– Что ты! Чур меня! Ты что, забыла? Я же пробовал! И вообще, любовь не только не картошка, а именно то стихийное яблоко, которое поранило лысину Ньютону. Ну а я...

Ей-богу, лучше в дым напиться,
Чем в молодых годах жениться!
Подумай только, что в жене
Хорошего? Уж при луне
С ней прятаться в садах не будешь,
Побед любовных вкус забудешь,
И говорить о них не смей
Ревнивой стражнице своей.
И днём и ночью твой покой
Нарушен хитрою пилой,
Что ранит очень постепенно,
Но к сроку сточит непременно
Мужское «Я» твоё, как дуб
На землю валит червя зуб.

И о бюджете разговоры
В твоём мозгу просверлят норы
И все былые кутежи
Там не оставят и межи.
А как начнут плодиться дети,
Так тотчас радости все эти
Семейной жизни в сотни раз
Умножатся. Печальных глаз
Тогда не оторвёшь от быта.
И будет молодость забыта,
И будешь, как прекрасный сон,
Ты вспоминать свой юный звон...
Нет, камня пусть ударит град,
Чем этот жуткий дантов ад!
Нет, петля лучше тигры злой,
Что называется – женой!

– Боже мой! – воскликнула тётушка.

– Да, тётушка. С эмансипацией и феминизацией перегнули палку. Забыли, что мужчина биологически ориентирован на цель и победу, а женщина – на стабилизацию и гармонию. Женщина, у которой одна из основных божьих программ – жертвенность и охрана семейного очага, должна многим жертвовать во имя гармонии и продолжения рода человеческого. В том числе, конечно, и взбрыкивая иногда и как бы ускользя, дабы азарт и восторг удачливого охотника в мужике не угасал. Но именно – как бы! А главное всё-таки – кормить и хвалить, кормить и хвалить!

– И быть всегда готовой к любви! – добавила тётушка.

– Ну, без этого вообще не о чём говорить! Кривой, косо́й, горбатый, безногий, большой, маленький, худой как щепка и толстый как бочка, бедный, богатый, удачливый и не очень – мужчина всегда должен чувствовать себя дома солнцем и главой. Вот как ты это делаешь. Ты хоть и подначиваешь Соломона, но всё время чувствуется, что в семье он – король, император и президент. Женщина – то окружение, которое делает либо короля и мужчину либо раба и тряпку. И прежде всего – для самой себя! Или подвигает на подвиги, или загоняет в бутылку. Понимаешь, сначала задавят мужика, а потом его же и обвиняют в том, что он не мужчина. И плохо ведь самой бабе без стороннего мужского характера. Плохо! На том же биологическом уровне плохо.

Скучно, в конце концов. Нельзя солнцу быть луной, а луне – солнцем!

– Бедный мальчик... – тётушка бережно поправила слегка растрепавшиеся джунгли роскошной шевелюры племянника.

Дверь веранды хлопнула.

Тётушка и племянник вздрогнули.

На пороге стоял дядюшка.

Глаза у него были круглые.

«Золотая» молодёжь

Жена ответственного работника уронила в унитаз бриллиант, и уже четвёртые сутки по всему дому грохотали очумелые сантехники.

– Не там ищите, дяденьки! – замечал каждое утро малец, сопровождаемый молодой мамочкой в садик. – Надо за голодом искать. В очистных соолужениях!

– Не учи учёного! – мрачно парировал уже нетрезвый предводитель команчей и блудливо фиксировал свой помутневший стереоскоп на мамаше.

Видимо, устами младенца и на этот раз глаголила истина, так как бриллиант как в воду канул. Зато из подвала появился на свет разбуженный канализационной канонадой отпрыск потерпевшей. По его виду сразу было ясно, что очередная дружеская попойка опять не пошла впрок.

– Одно добро сплыло, другое всплыло! – с трудом уняв тошноту, заметила соседка.

Встряхнувшись, как пёс после купания, отпрыск прищурился и стрельнул в чистое голубое небо огненным глазом. Мелко задрожав от восторга, а может быть, и похмелья, он хрипло загундосил: «А русалка – вот дела! – честь недолго берегла и однажды, как смогла, родила!...».

В тесном кругу тёплой компашечки ему был уважительно присвоен весьма козырный псевдоним – Бес, и поэтому всю

свою сегодняшнюю жизнь он посвятил героическому оправданию столь высокого звания.

Итак, отпрыск одного из самых верхних звеньев партийных функционеров, закатив глаза и неритмично дёргаясь, самозабвенно пел.

То ли услышав, то ли уловив шестым чувством призыв родной крови из-за угла дома не замедлила появиться слегка растрёпанная наследница известного и очень уважаемого и в тех... и в этих... и прочих определённых кругах бандита-торгаша.

Полукриминальное дворянство и абсолютно криминальное купечество встретились!

Взаимопонимание было полное!

– Тебя ищет милиция! Ходят слухи, что ты опять проломил черепок какому-то студенту.

– Довысказывался... Интеллигент! – Бес презрительно сплюнул. – Ему, понимаешь ли, наше правительство не по вкусу пришлось. Ну, стукнул слегка... Дис-с-сиденты, мать твою!..

Судя по высказываниям, Бес был ярым патриотом существующего порядка. Его жизнь ему нравилась, и он крутил её на всю катушку. Иногда, правда, неожиданно для окружающих этот орёл начинал истерически плакать и одновременно хохотать, понося всех и вся и даже самого себя последними словами, но это почти всегда приписывалось излишне выпитому и странному, почти болезненному, увлечению

философской литературой.

– Хлюпик-то отдал богу душу! – продолжила русалка.

Ни один мускул не дрогнул на помятой подушке физиономии Беса.

– А! Врачебная ошибка. Да туда ему и дорога! У нас таким не место. Треплют языками, треплют, а сало русское едят!

Последнюю фразу Бес взял не из Толстого или Бердяева. Это была любимая поговорка его далеко не русских предков.

– Ну, ты даёшь! – гордо восхитилось дитя торгового магната. – Но слюняй-то... Как ни крути – мокруха!

– Ерунда! Родаки (родители) высушат! Да и причём тут я, если медицина у нас отпадная? – уверенно успокоил «настоящий парень» и плотоядно почесал под ложечкой. – Пора вделять! Как с тугриками?

– Хоккей! – стандартно отреагировала подруга и шмякнула по сумочке одутловатой лапкой с брызгами крупных бриллиантов.

– Ну, поехали!..

Бес ещё раз, но уже с удовольствием, сплюнул и, приклеив свой верхний левый манипулятор к бедру торговой русалки, завихлял на опохмелку и кормёжку.

В отличие от Беса, Камиль не принадлежал к привилегированному сословию, а был потомком пролетариев умственного труда. Тут всё было проще, но опять же не без некоторой доли определённой философии. Протрудившись какую-то часть жизни на заводе слесарем и заочно закончив

юрфак, глава семьи занимал одну из ключевых должностей в местной прокуратуре. Прекрасная же половина главы была воспитанницей детдома. Благодаря тоже упорному труду и полуголодному существованию она реализовала свою мечту и, закончив институт и аспирантуру, получила кандидатскую степень.

Теперь прекрасная половина преподавала в университете и, как все хорошие люди, была «козлом отпущения» на партийной и общественной работе.

И всю жизнь, находясь на пределе душевных и физических сил, изнурённые непрекращающейся и засасывающей всё больше и больше борьбой за престижное место под лунной, родители искали в своём дитя реализацию всех своих неутолённых желаний и потребностей.

Результат сказался...

Сейчас их отрок сидел на голубом пуфике перед трельяжем и маникюрным пинцетом выщипывал брови. Испытывая не совсем приятные ощущения, но от скуки просто валяя дурака, он вполне музыкально цедил сквозь стиснутые в волевом напряжении зубы: «Кому это надо? Никому не надо!». За его спиной уже с минуту нетерпеливо переминался с ноги на ногу Марат – сотоварищ по классу. В руках он держал кассетный магнитофон.

– Дай-ка! – Камиль на секунду оторвался от своего косметического священнодействия.

Включив магнитофон и молитвенно поколыхавшись в ре-

лигиозном трансе, он с чувством высек пальцами искру удовлетворения:

– Класс! Наконец-то что-то стоящее!

Из магнитофона стереофонически жирно вываливалась занудливая музыкальная каша...

В отличие от Камиля, Марат был овцой, по территориальным обстоятельствам прибившейся к чужому стаду. И началось это даже не со школы, а с того, что он жил в одном доме с Камилем.

– Ты чего это? – наконец не выдержал он.

– Не видишь, что ли? Бровки выщипываю... Чтобы быть похожим на Мону Лизу!

– Чего-о?

– Ни чего-о, а на неё! А может быть, и на него! Никто этого не знает.

– Чушь какая-то!

– Наивняк! – усмехнулся Камиль и, отложив магнитофон, опять взял пинцет и вытянул шею, выбирая очередной объект для удаления. – Знаешь, что ответил Микеланджело, когда его спросили, как он творит свои шедевры? Он ответил: «Я беру камень и отсекаю от него лишнее. Получается скульптура». Вот ты от себя что отсечёшь?

– Не знаю...

– Вот именно!

Выдрав пару волосков, Камиль завертел головой и закосил глазами, любуясь на то, что получилось.

– Ну, как бровки?

– Слишком тонкие... Не мужские какие-то...

– Не тонкие, а элегантные. Как дела с импортными пластами?

– Боб обещал дней через десять достать.

– Боб не набоб, набоб не Боб. Трепло твой Боб!

С тех пор, как он наколол меня с джинсами, я ему ни в грош не верю. Маг я твой забираю.

– Только через три дня чтоб вернул!

– Верну, верну! Не беспокойся! Перепишу и верну!

Камиль развернулся и окатил Марата презрением:

– И что это ты такой, какой-то серый-серый? Корешам не доверяешь, костюм носишь немодный, за собой не следишь. Еще подумают, что ты мой друг!

– А что, не достоин? – голос Марата дрогнул.

– Конечно! Ты посмотри на меня! Джинсы – «супера», батник – японский. Дублёнка – и та французская. Скажи предкам – пусть приоденут, а то ходишь, как петух общипанный. Смотреть противно...

Лицо Марата пошло красными пятнами. Его уже пожилые родители работали в симфоническом оркестре и большими доходами не обладали.

– Ты... ты... ты... Барахло импортное натянул, морду на-чистил – уже пуп?..

Марата бил озноб.

– Чего-о? Да бери свое транзисторное дерьмо и провали-

вай! Ишь какой нежный! Барышня кисейная в мешковине.
О твоей же пользе пекусь, дурило!

– Сам ты... О тройках пекись!..

Схватив транзистор, Марат направился к двери.

– Ой, не могу! Ха-ха-ха-ха! – Камиль нарочито захрюкал. – Букварь в стоптанных корочках! Да тройка, она же – птица! Птица! Понимаешь?

– Летай-летай!.. Мона Лиза!..

Входная дверь захлопнулась.

Камиль развернулся лицом к трельяжу.

– И что он взъерепенился?.. А бровки-то надо подровнять...

Пинцет щёлкнул, и из-за сосредоточенно стиснутых зубов снова донёлся стон столетнего шлагера...

Ущипнув себя за веко, Камиль понял, что утомился и пора переключаться. Перейдя в залу, он сразу же направился к своему расчехлённому универсальному стереофоническому орудию труда. Воронёный блеск импортного диска был нестерпим, и, нажав кнопку, творец вывернул регулятор громкости до отказа. Акустический удар в шесть сейсмических баллов и бог знает сколько децибел тут же перекорёжил этаж дома по горизонтали. Впрочем, и по вертикали тоже. Это по ощущению, граждане, а не по показателям приборов!

После первого толчка откуда-то из вечного холода и тьмы появился приближающийся с космической скоростью скрежет и истерические взвизгивания очередной полупридушен-

ной эстрадной бабочки-однодневки, а Камиль начал раскочиваться и упоённо подвывать, стараясь скопировать солиста или солистку. По голосу определить пол было невозможно.

– Оу-оу-оу! А! А! А! Оу-оу-оу! Ха... Оу-оуоу! А! А! А! Оу-оу-оу! Ха!..

В правую стенку комнаты начали стучать.

– А-а! Божий одуванчик!

Убрав громкость и продолжая конвульсивно подёргиваться, меломан заорал в правую стенку:

– Ну, чего стучишь? Могу я отдохнуть после школы или нет? Сам целыми днями из угла в угол шатается! Печень у него, понимаешь ли, больная – пенсионер несчастный! Рачок, понимаешь ли! Я, может быть, тоже больной, только пока этого не чувствую!

Стучать стали в левую стенку.

– Ну вот, ещё и эта кикимора подключилась. Она-то откуда дома? Неужели её сопляк опять заангинил? И что за младенцы пошли дохлые – чуть что, и зашмыгали, и зашмыгали?..

Стук в правую стенку прекратился, зато левая начала вздрагивать от пинков.

– Да что ты пинаешься, дура! – еще сильнее заорал меломан. – Туфли разобьёшь! Обои отклеятся!..

В правую стенку опять замолотили.

– И этот старый пень опять подключился. Квадрофониче-

ский эффект создают, болезные. А ну как мы их децибелами! Децибелами! А?

Камиль опять дал полное «форте» и, дико прыгая по комнате, торжествующе закричал:

– Ага-а! Получили-и! Вот вам!.. Жалуйтесь на меня в домоуправление! Пишите в милицию! Валяйте!..

Стук прекратился.

– Отпал один! А тут что?..

Камиль припал ухом к левой стене.

– Орёт сопляк всюю... Ори, младенец, ори! Развивай лёгкие!..

Услышать телефонный звонок в этом аду было невозможно, но Камиль услышал:

– Это Боб! Боб, наверное!.. Аллë! Аллë! Говорите громче!.. Ой, это маман...

Резким рывком стереокомбайн был выключен.

– Аллë!.. Да-да, теперь слышно... Почему такой шум был? Да так... музыку крутил... За хлебом? Нет, не ходил... Помоему, у нас ещё старого навалом... Нет? Мам, зайди сама в булочную – мне некогда. Я ещё уроки не сделал, а нам сейчас знаешь как много задают. Десятый класс, как-никак... Музыка мешает? Да ты что? Она способствует! Вам песня строить – нам жить помогает!.. Что? К деду больному съездить? Да ты же у него вчера была. Меня хочет видеть? А чего на меня смотреть – у него же фотографий моих навалом... Я чёрствый? Да ты что, маман? Я увлекающийся... Ну, ладно,

ладно, зайду...

Камиль с досадой стукнул телефонной трубкой.

– Надо же было ей позвонить – весь аппетит отшибла. И чего этому деду одному не сидится?.. Или нет, он уже, кажется, третий день с постели не встает... Надо же было так не вовремя слечь! Раз в году такие диски попались – и вот... А тут ещё эта чёртова учеба... У кого бы сдать математику и физику? У Кольки нельзя... У Вадьки... тоже не даст... Во, позвоню Маратке!

Камиль начал набирать номер телефона и, не набрав, нажал на рычаг.

– Нет! Этот тоже на меня обиделся... А что я ему, дураку, сказал?.. Надо бы с ним помириться, а то не миновать «банана» по матеше...

И Камиль набрал номер до конца.

– Аллё! Мара? Это Камиль... Чего это не хочешь со мной разговаривать? Да подожди ты трубку вешать! Подожди, говорю! Я извиняюсь! Как это – нет прощения? Ты что, Фенимора Купера читаешь?.. Нет? Ну, тогда забегай ко мне, здесь поговорим, а то это не телефонный разговор... Ага... Ага... Извиняюсь я, извиняюсь!.. Ну, вот и хорошо. Пока!

Весело замурыкав, Камиль мягко вписал трубку в телефонный аппарат.

– Пусть только придёт, а здесь я его мигом обработаю! А к вечеру ресторанчик, Бес с козырными девочками... Человек, слава богу, слаб!

Восторженно потеряв руки, меломан ударил по куркам и затворам своего стереокомбайна и, извиваясь и дергаясь, снова громко и пронзительно загнусавил:

– Оу-оу-оу! А! А! А! Оу-оу-о! Ха! Оу-оу!..

Правая и левая стенки домашней дискотеки опять завибрировали от отчаянных стуков, что вызвало очередной торжествующий вопль индейца, вышедшего на тропу войны:

– Проснулись, травоядные! А мы вас децибелами! Децибелами!..

Регулятор громкости снова был выкручен до отказа.

– Валяйте! Стучите! Я вас научу любить современную музыку!..

Люди объединяются по интересам, и в этом есть свой железный смысл. За несколько минут до закрытия ресторана несколько смазливеньких «ласточек», Боб, Камиль и припкнувший к ним изрядно подпоенный Марат окружили Беса повышенным вниманием и заботой. Наперебой улаживая слух кумира дифирамбами и панегириками, они так старались, что душа преисподней широко распахнулась и обнажила свои недюжинные способности и возможности. Отдавлив в сторону криво улыбающегося швейцара, Бес овладел служебным телефоном и, бурно посовещавшись со своими высокопоставленными предками, стандартно щёлкнул пальцами:

– Хоккей, дети мои! Катим на дачу! Фрахтуй две тачки, Боб!

Восторженно взбрыкнув своими лакированными копытами, Боб нечленораздельно вскрикнул и ускакал ловить такси, а оставшиеся вассалы дружно испустили благодарный стон высшей степени обожания.

Если вы обладаете даже минимальной наблюдательностью, то без труда заметите, что в этом, весьма тесном, мире не счесть роковых совпадений и фатальных закономерностей. Обладая же наблюдательностью и дедуктивно-логическим мышлением Шерлока Холмса, можно даже прийти к почти религиозным выводам, определяя мир как тщательно запланированный и саморегулирующийся.

Непознанная закономерность случая и на это раз сработала чётко. Две плотно набитые легковушки, нервно тикая счётчиками, мчались именно на ту дачу, где на пороге стоял растерянный Соломон и невнятно мямлил что-то о необходимости срочного размещения иностранной молодёжной делегации и соответствующей собственной эвакуации.

– Народу всё ясно! Тут всё вокруг колхозное, тут все вокруг моё! – сказал Аполлон и, широко распахнув руки, торжественно пошёл переодеваться.

Странная процессия прошествовала минут через десять по залитым лунным светом аллеям. Впереди, перекинув через плечо роскошный махровый тётушкин подарок и держа в каждой руке по огромной кошёлке с продуктовым дефицитным содержимым, медленно ступал Аполлон. За ним семенил дядюшка, а за дядюшкой – тётушка. Дядюшка ёжил-

ся, а тётушка нежно прижимала к груди букет племянника и романтично косила глазом на луну.

Процессия миновала бетонное бункерное ограждение и вышла на шоссе.

– Изгнание из рая состоялось! Будем голосовать за кипение в гуще! – объявил Аполлон и шлёпнул кошёлки на ещё не остывший асфальт.

Где-то внизу грохотала речушка и пахло целебными травами.

Природа отдыхала...

Свет фар ударил неожиданно.

Три руки дружно взметнулись к небу.

Сто восемьдесят по совокупности лошадиных сил с шахматными тавро резко затормозили, и визги тормозов и пассажиров слились в один салютующий какофонический аккорд.

Дверцы такси распахнулись, и из машин, тоже с сумками, полезли бледные тени «бесовской» свиты. Сам предводитель, уже слегка поцарапанный, но в пьяном угаре не замечающий этого, вылез последним. Матерно выругавшись, он подмял наманикюренное крылышко одной из «ласточек» и, страшно сопя, первым пересёк бункерную ограду.

– По-русски шпрехает иностранец-то! – весело заметил Аполлон, запихивая сумки в багажник такси.

– «Золотая» молодёжь! – с ненавистью откликнулся шофер и, сплюнув в сторону дачи, резко крутанул ручку таксометра.

Дядюшка сидел бледный и всю дорогу молчал...

Неугомонный Эскулап

Утро было свежо и очаровательно!

По аллее шёл Аполлон.

В его одежде удачно сочетались изделия из натуральной кожи, батиста, вельвета и замши.

Всё было не крикливо, но подчёркнуто элегантно.

Аллея закончилась довольно быстро и одновременно со щитами рекламы бог весть когда шедших на экранах кино-театров города фильмов, и перед героем вырос аккуратный и чистый фасад Дома культуры авторемонтного объединения. Здание примыкало к головному предприятию завода, но вход был отдельный и свободный. По бокам двери стояли на задних лапках две металлические урны, выполненные в виде пингвинов. Их широко раскрытые клювы свидетельствовали о том, что здесь действительно, в санитарном отношении был полный антарктический марафет.

Поправив воротничок рубашки, Аполлон тронул отшлифованную народными притязаниями деревянную ручку двери.

На первом этаже в сине-зелёной прохладе вестибюля дремала старушка.

На втором этаже в кабинете директора сидел весьма пожилой смуглый сутулый мужчина с орлиным профилем, карими глазами, чёрными бровями и абсолютно белой голо-

вой. Погрузив пальцы обеих рук в дебри благородной седины, он, страдальчески морщась, рассматривал залапанную книгу приказов.

Войдя в кабинет и представившись, Аполлон положил на стол кипу документов и удивлённо заметил, что ещё вчера на этом же месте сидел товарищ помоложе. Старец согласно кивнул и, просмотрев предъявленные документы, поднял покрасневшие сосредоточенные глаза.

– Ну что ж... Ваше образование и послужной список – соответствуют! – сказал он. – Но культмассовый сектор при таком наборе – чистое расточительство. – Я предлагаю вам должность директора этого коллапсирующего очага культуры. Кстати, таково и мнение вашего предшественника.

– А... кто вы?

– Я дух этого учреждения! Что-то вроде внештатного исполняющего обязанности директора.

Старец вышел из-за стола и приглашающе простёр руки к ещё тёплому стулу:

– Прошу! Да вы не стесняйтесь! Это не бог весть какая высокая должность, не бог весть какой материальной ответственности и оплаты. А если что не так, так у нас же всё спишут. Страна жутко богатая. Жутко! А я не администратор – я врач.

– Врач?

Аполлону стало весело.

Старец ему нравился.

– Врач, врач! И зовут меня Наумом Аркадьевичем. А вас, если не ошибаюсь...

– Аполлон! А в честь солидарности с польской «Солидарностью» и для друзей – Польша.

– Да-да. Верно. Прекрасное имя! Да и «Аполлон» – «Союз» – это не только настоящее, но и будущее.

– Дай-то Бог!..

– Да-а... Такое имя требует определённого уровня. Большие заявки – большой спрос. А это любят немногие...

– Каждому – своё!

– А лучшее – всем! Я совершенно серьёзно предлагаю вам пост директора. Где надо – утвердим, что надо – напишем...

Такой разносторонний специалист, с таким разноплановым стажем – это же божий подарок! Простите за идиотский вопрос – вы, случайно, может быть, ещё и партийный?

– Чего нет – того нет! – Аполлон красноречиво развел руками.

– Мда-а... Это усложняет...

Веселье нарастало...

Наум Аркадьевич был личностью незаурядной. В разговоре с собеседником, внушающим доверие, он представлялся не иначе как беспартийной сволочью, видимо не исключая того, что попадаются ещё и партийные. Конечно же, сволочью он не был, а был по характеру и жизненной позиции Дон-Кихотом, а по профессии врачом. Больные уважали его

за то, что он делал их здоровыми, а здоровые – за то, что он не делал их больными.

Надо сказать, что живых Дон-Кихотов не любили, не любят и, видимо, никогда не будут любить власть имущие, благополучные и бескрылые. Как смеялись они над ними, так и продолжают смеяться. А если смех не помогает, то их просто выдёргивают, как вылезший гвоздь из каблука, и швыряют в придорожную жизненную грязь, предоставив полную свободу для окисления.

Биография Дон-Кихота-доктора, так же, как и биография его литературного коллеги Ламанчского, была сложна, необычайна, полна мытарств и треволнений, падений и подъёмов.

Однако в данном случае результат не был трагичен. По крайней мере – пока! Доктор закалился, обрёл бойцовские качества, умел постоять за себя, и за других и, главное, научился побеждать.

Перед самой пенсией он осуществил вечную мечту странников поневоле: купил крохотный саманный домишко с садиком, построил огромную беседку, повесил в ней гамак и бросил свой трудовой якорь в медпункте авторемонтного завода, а в настоящем – объединения. Вот уже более двадцати лет доктор крепко держал здоровье заводчан в своих опытных добрых теплых ладонях, и когда считал нужным, группировал их в кулаки и бил по бюрократическим столам, без спросу повышая голос и совершенно не взирая на лица. В

результате этого досрочно был построен профилакторий и роскошный физиотерапевтический комплекс с лучшим отечественным и импортным оборудованием и заметно уменьшился поток больничных листов. Вся администрация объединения, включая инженерно-технический персонал и самого генерального директора, лечились только у Наума Аркадьевича и называя его профессором, а также главным звеном своего жизнеобеспечения, берегли доктора, терпя все его причуды.

Не хватало терпения только парторгу. В противоположность доктору, он был тучным грубоватым мужчиной с круглой, как глобус, бритой блестящей головой и отменным здоровьем. Практически парторг никогда ничем не болел, и хотя являлся, в сущности, неплохим мужиком, но доктора не понимал и никак не воспринимал. Первый же «фокус», который отчебучил эскулап, привёл его в полное замешательство. Сделав свои профессиональные дела и имея свободное время, доктор решил не на словах, а на деле совместить умственный труд с физическим. Надев спецовку, он встал у станка. Станок был, что называется, «револьверным». Нужно было только вовремя поворачивать ручку и ещё там чего-то – и деталь была готова. Казалось бы, что особенного? Но так как за станком трудился беспартийный врач, не освобождённый от своих прямых обязанностей, и не репрессированный, а доброволец, то своим шестым политическим чувством, строго лимитированным установками и циркулярами

сверху, парторг воспринял это как вызов. Сам Семен Васильевич (так звали парторга) был «освобождённый» и, давно позабыв о своей основной профессии, с нетерпением ждал пенсии.

Вызывать доктора в кабинет он не стал, не без оснований подозревая, что тот может просто не прийти.

Семён Васильевич направился прямо к станку.

Перекрывая шум цеха, он раздражённо прокричал доктору в ухо:

– Ты эти свои левацкие замашки брось! Не коли глаза рабочим! Слышишь, что я тебе говорю: не коли!..

При сравнительно не очень большой возрастной разнице, да ещё и в данной ситуации, парторг считал нецелесообразным обращаться на «вы».

– Рабочим? – доктор повернул ручку и ещё там чего-то, и готовая деталь бодро выскочила из станка. – Изыдь! Мешаешь! Да изыдь ты, наконец!..

Эскулап тоже считал нецелесообразным отвечать на грубость вежливостью. Он ещё раз повернул ручку и ещё там чего-то, и ещё одна деталь выскочила.

Парторг явно не привык к такому бесцеремонному обращению.

Его затрясло.

И довольно сильно!

Доктор даже глазом не моргнул.

Он продолжал вкалывать...

Поняв, что аудиенция окончена и делать ему тут больше нечего, Семён Васильевич мутно повёл плохо видящим взором по цеху и, натыкаясь на станки и детали, направился прямо в кабинет генерального директора.

В этот день у него ничего не получилось.

Не получилось ничего и на другой день.

Но, как известно, капля камень долбит. А так как капля в данном случае была довольно весомая, то Семёну Васильевичу всё-таки удалось со временем, используя целую сеть административных и прочих санкций, оторвать эскулапа от станка.

Однако с тех пор покоя он лишился напрочь! И когда доктор решил провести очередной эксперимент с разделением зарплаты поровну между высшим и низшим персоналом, Семён Васильевич засел за личное дело Наума Аркадьевича, предоставив ему на некоторое время свободно и весьма успешно проводить свою внутриведомственную агитацию и пропаганду.

Дело было пухлое и основательно запутанное, как хорошо слепленный детективный роман. Особенно великолепно была трудовая книжка, превратившаяся благодаря многим вкладышам из тоненькой брошюрки в толстый томик, напоминающий карманную библию. Целую неделю Семён Васильевич изучал это чудо и думал, думал...

Озарение посетило ночью. Вскочив с кровати и прохрипев «эврика!», парторг радостно рассмеялся. Тот клапан, че-

рез который должен был вылетать пар творческой неуёмности доктора, был найден. Несколько записей в трудовом то-мике свидетельствовали, что доктор в какой-то отрезок своей жизни прерывал врачебную практику и не только руководил театральной самодеятельностью, но и работал в качестве актёра на сцене одного из крупнейших столичных театров.

Какие только таланты не обнаруживают человеки в экстремальных ситуациях, а также при личной кровной заинтересованности! В данном случае, в интересах стратегии, Семён Васильевич действовал только через подставных лиц и проявил такую кипучую энергию, которой хватило бы на организацию государственного переворота. В результате им очень удачно был похоронен эксперимент доктора с зарплатой, а сам эскулап по уши увяз в бездонной трясине проблем культурной жизни заводчан. Тем более, что Семён Васильевич апеллировал к их сильно пошатнувшемуся духовному и нравственному здоровью, что, как известно, чревато и для физического.

Совершив свой очередной партийный подвиг, Семён Васильевич, с чувством глубокого удовлетворения, вернулся к примерно такого же плана делам, циклично и ритмично запланированным на всю оставшуюся до пенсии жизнь...

Завод же предоставил своему любимому эскулапу неограниченные полномочия в организации клубного дела, и доктор начал с того, что потребовал увольнения почти всех работников, вплоть до директора. Процесс был болезненный,

с рядом безобразных склок, но другого пути Наум Аркадьевич не видел. Он был глубоко убеждён в том, что любое дело решают кадры и только кадры, и что каждый человек незаменим только в том случае, если он на своём месте. Поэтому доктор искал таланты, а, приняв на работу что-то только похожее и убедившись, что это действительно так, тут же добивался их увольнения, так как эрзац и имитацию не переносил органически. Близоруко вглядываясь в дефицитное облачение Аполлона, Наум Аркадьевич и сейчас тоскливо думал о том, что, возможно, через месяц придётся увольнять и этого.

Однако улыбка обладателя престижного барахла была без претензий и это несколько успокаивало.

– Мда-а... – протянул ещё раз Наум Аркадьевич и, пройдя за стол, опять сел в директорское кресло.

– Да вы не расстраивайтесь! – сказал Аполлон. – Мне контора противопоказана. Мне бы в гущу! В массы! И вообще, труд для меня сегодня – арена самопознания, а не самовыпячивания!

– Ну и чудненько! – Наум Аркадьевич от удовольствия даже порозовел. – Занимайте должность – и полная свобода! Всё на ваше усмотрение! Кстати, должность предоставляет для этого самые широкие возможности. А всякие там бумажки-промокашки... Как-нибудь осилим... Да не отмахивайтесь – это нужно для дела. У меня от этих назначаемых директоров уже в глазах рябит. Только палки в колёса вставляют...

Дверь кабинета отворилась, и в помещение, не обращая никакого внимания на присутствующих, проник бледный худой юноша в помятой рубашке и таких же брюках. Всклопоченная причёска и подозрительно горящие глаза завершали картину первого впечатления, свидетельствуя о том, что в данной голове не всё в должном порядке...

Юноша подошёл к столу и бесцеремонно начал копаться в бумагах.

– Опять рукопись потерял? – доктор зазвенел ключами, открывая сейф.

– Да где-то здесь...

– На, и не бросай где попало! – доктор вынул из сейфа папку и протянул её юноше. – Кстати, познакомьтесь – наш новый директор!

– Ещё один... – вздохнул юноша и протянул ладонь. – Гений! Я – гений!

– Я – тоже! – улыбнулся Аполлон.

– Иронизируете? А жаль. Улыбка у вас хорошая, – сказал юноша и неожиданно тоже улыбнулся.

– У вас тоже, – ответил Аполлон и не соврал: улыбка бледного юноши была светлая.

Минутой позже он узнал, что зовут его Федей и он занимает должность художественного руководителя Дома культуры.

Гений

Так как гений, несомненно, понятие историческое, приобретающее свой истинно материальный вес далеко после физической смерти индивида, то будем считать название этого эпизода условным.

Есть категория людей, которые всегда чего-нибудь боятся, так как страх у них врождённый, сформированный где-то в период образования индивидуальной ДНК. Ещё не родившись и даже не предполагая, что это должно скоро случиться, они, сами того не зная, каждой клеточкой боятся, что не родятся.

Появившись же на свет, боятся, что не выживут.

Когда выжили и уже начали кое-что соображать, вполне осознанно начинают бояться, что не доживут.

Когда дожили – что не сживутся.

Когда сжились – что не переживут.

Когда пережили – что вовремя не умрут.

Когда умерли...

Тут нам уже не дано знать, чего эти бедняги ещё продолжают бояться, хотя, опираясь на религии, собственное воображение и интуицию, предполагать можно многое.

И всё-таки если выстроить в одну шеренгу сто таких органических трусов, то можно и среди них найти одного, а может быть, и двух, способных совершить даже от того же ис-

пуга храбрый поступок. А если собрать в кучу тысячу трусов, то в этой толпе может обнаружиться и чужеродное тело смелого по природе и воспитанию зеваки, выясняющего причину скопления в одном месте такого большого количества трясущихся особей.

Так вот Федя был смелым человеком – он писал и говорил правду!

Естественно, что его никогда и нигде не печатали и все-рьёз не воспринимали.

Это совсем не значит, что те, кого печатали, лгали. Просто их правда особенно глаз не колола и, обходя рифы социальных и природных закономерностей, шибко не тревожила. Даже профессиональные сатирики не решались поднять глаза вверх, против течения – к истокам, и смотрели лишь вниз – по течению, указывая на уже образовавшиеся заторы, а не на места, откуда несло мусор. Следствием этого было то, что не успевали благодарные труженики ликвидировать один затор, как тут же образовывался новый, и зачастую – в совершенно непредвиденном месте.

Сизифов труд народа благ стране не прибавлял, и некоторые литературные угодники чувствовали от этого дискомфорт. Неудобно становилось таскать на себе скафандр позорных связей и унижительного попрошайничества. На какие-то мгновения разум отключался и чего только не звучало... К их счастью, это случалось нечасто и в основном в кругу семьи. Да и то с оглядкой на жену, которая вполне могла

оказаться стукачкой. Среди богемы ходили чёрные истории о спрятанных в холодильниках магнитофонах и вызовов на собеседование в КГБ.

Федя же всегда плыл и смотрел против течения, то есть вверх, и не понимал, почему выше министров ошибающиеся, корыстные или просто бездарные смертные прижизненной гласной критике не подлежат. Сейчас он шёл вместе с Аполлоном по улице Космонавтов. Новоиспечённый директор с удовольствием вдыхал свежий, ещё не загазованный автомобилями кислород раннего утра и выдыхал не менее свежий CO_2 , а художественный руководитель размахивал руками и, сильно сутулясь, что-то горячо доказывал. Он двигался наскоками и толчками, умудряясь при этом быть всё время рядом. На его буйной голове красовалась роскошная фетровая шляпа со старомодными широкими полями.

Миновав первую клиническую больницу и прямо за ней расположенный центральный городской морг, коллеги услышали нарастающий рокот человеческой говорильни и тут же попали в толпу снующих, стоящих и сидящих в пыльной придорожной азиатской траве размякших граждан с кружками в руках и бутылками водки за пазухой. Невесть каким доблестным поборником плана прямо к забору морга была прилеплена пивнушка с красноречивой надписью «Прохладительные напитки». Тут постоянно имелось свежее пиво и стабильный контингент клиентуры.

– Федя, уйми на минутку свой фонтан. Перед нами досто-

примечательность города! Мечта покойника – питейное заведение «У морга»! Заглянем? – неожиданно сказал Аполлон и, не дожидаясь ответа, врезался в толпу.

– Куда, куда, здесь очередь! – загудела потревоженная хмельная братия.

– Народный контроль, граждане, народный контроль! А ну, пропусти! Я тебе говорю, дядя, а не председателю месткома местной покойницкой! Ну?.. А тебе, папаша, уже хватит. Да не падай, не падай, папаша! Держись! Твой час ещё не пробил!

Аполлон придал устойчивое положение запойному пожилому отцу семейства с безвольной улыбкой и двумя намертво вмурованными в узловатые пальцы кружками.

У самого окошка стоял мальчик лет двенадцати. В каждой руке он держал по пустому пятилитровому бидону.

– Отец, слышишь, рубит, а я отвожу? Так, малец?

– Чё-ё? – малец агрессивно выдвинул своё пролетарское плечико.

– Ничё!

– Чё-ё?

Малец начал наскакивать.

– Капчё! Свидание окончено!

Аполлон мягко оттеснил пружинно сопротивляющегося подростка и просунул голову в пивной загашник.

– Бонжур, камарад! Пару кружек – и живо!

Камарад – нахальный молодой брюнет с волосатыми ру-

ками – выпучил глаза:

– С Луны свалился, да? Нет кружек!

– Народный контроль, беби, народный контроль! Снятие сливок за счёт пенок при мне не состоится! Быстро наливай, быстро! Трудящимся ждать некогда – у них план!

Уверенность и чувство юмора клиента неожиданно были оценены и кружки появились и наполнились.

– Пей, плотник! – вытирая слёзы смеха, сказал брюнет.

– Народный контроль, граждане, народный контроль! Дегустационный сеанс и гипноз пены!..

Толпа замороченно потеснилась и выдавила Аполлона, держащего в вытянутых руках два наполненных до краёв запотевших сосуда.

– Принимай, Федя, и можешь продолжать фонтанировать!

Федя машинально отпил глоток и, по причине занятости правой руки, взмахнул левой:

– А чем фонтанировать-то? Бухгалтерша у нас хроническая алкоголичка. Заведующая костюмерным цехом – бездельница и убеждённая аферистка. А киномеханик – всё это вместе, да ещё и какой-то патологический бабник! Причём, несмотря на то, что одной ноги у него нет. Видимо, как-то компенсирует... Это, Поль, кадры, за характеристику которых я могу поручиться и уволить которых нет никакой возможности. Наум Аркадьевич – и тот махнул рукой. Он на Народных театрах уже вконец измучился. Вот там, кстати, люди новые, и их я ещё не знаю...

– Неприглядная живопись... – Аполлон с удовольствием втянул очередную порцию пива.

– Я не сгущаю краски – есть и хорошие люди.

– Ну-ну интересно...

– Прежде всего – вахтёр тётя Паша. Она же кассир, контролёр, билетёр и гардеробщик. Следующий – рабочий сцены Первутинский. Он же столяр, бутафор и мастер на все руки. И, наконец, руководитель кружка юных иллюзионистов, он же фотограф, он же эпилептик – Наум Миронович Веллер!

– Наум?

– Да. Тёзка Наума Аркадьевича. Его протеже... Совершенно замечательная личность! Но больной...

– Разнообразно живём, разнообразно. Да ты пей, пей, Федя!

Федя переложил кружку в левую руку, сделал ещё глоток и взмахнул правой рукой.

– А!.. Если бы хорошие люди погоду делали... А то одна погань с небес сыпется. Живя в этой атмосфере, я каждое утро просыпаясь, говорю себе, что я – дерьмо!

– И как? Помогает?

– А как же! Никаких иллюзий и разочарований. Чувствую себя на своем месте – в сортире жизни!..

– Пойдём, поэт, взорим, вспоём у мира в сером хламе!.. – Аполлон несколько картинно полуобнял Федю за плечи.

– Нет, правда, Поль, подумай только – меня называют ина-

комыслящим! Мне, видишь ли, не нравится социализм. Да нравится он мне, нравится! Так нравится, что голову готов положить. Только нет его! Нет – и всё тут! Ни развитого, ни никакого другого! Социальная защищённость каждого – это же мечта человечества! Дурят народ! Понимаешь, дурят! Военно-бюрократический централизм вместо социализма! Кому-то становится выгодно, чтобы одни и те же личности стояли у руля, и вот уже появляются изменения о сроках выборности. Да и вообще, что это за выборы? Кто кого выбирает? Мы их или они нас? Блефонация, Поль! Дешёвый спектакль! И главное, все всё видят, всё понимают и молчат! Молчат, как в танке! Одно только и слышно: «Ах, мяса не хватает! Ах, молока нет!». Потому и не хватает, что в головах не хватает! Все ленинские нормы извращены, исковерканы! Коммунисты превратились в позорнейшее безгласное канцелярское быдло! Знаешь, Поль, Рим погиб от разврата – партийный аппарат поражён им же!

Равнодушно пошатываясь и сосредоточенно-тоскливо выглядывая свободную кружечку, мимо Аполлона и Феди проплыл «серый пиджак».

– Немного тише, Феденька, мы здесь не одни, – ласково предупредил Аполлон.

– Ты меня не перебивай! – отмахнулся тот. – Я не крамолу говорю, а правду! Правильно говорит Наум Аркадьевич: «Если бы сейчас появился Ленин, то сразу бы объявили, что это самый настоящий диссидент и контра». Надо бороться,

Поль, надо бороться! Надо, чтобы и народ диктовал им, а не только они народу! А то или до ядерной катастрофы до-молчимся, или до уже не псевдосоциалистического, но всё того же звероскотинизма. До реставрации вонючейшей формы капитализма, где самые плохие качества человека делают его *внешне* успешным. Или скатимся до феодализма или даже нацизма...

Федя с утра ещё ничего не ел, и на его худосочную комплекцию хватило одной кружки пива. Сделав последний глоток, он отдал пустую тару Аполлону и теперь размахивал обеими руками:

– Неужели ты думаешь, что если когда-то были такие угодники, как Ежов или Ягода, то теперь таких нет? Да сколько их – в нашем управленческом аппарате, а? И никакого контроля! Никакого!.. И может ли быть страшнее диверсия, чем организация экономического развала и хаоса? Америка сократила добычу нефти на своей территории, предпочитая выкачивать её у кого-то, а мы хвалимся, что больше всех добываем. Хорошо это или плохо? Плохо, потому как нефть на сегодняшний день – кровь экономики! И что смешно – бензина-то и горючего не хватает! Куда же всё девается? У-у! Гудит по нефтепроводам! Чем дальше, тем дружнее! А хлопок?.. Конечно, можно и людьми начать торговать, лишь бы в креслах удержаться!..

Последнюю фразу Федя почти прокричал, и из мирно жужжащей толпы сразу же, как чёртик, выскочил «серый пи-

джак». Теперь он не пошатывался и взгляд его был чрезвычайно трезвый.

Увидев это, Аполлон быстро поставил кружки на землю и, подхватив ничего не понимающего Федю под руку, сделал резкий рывок в сторону морга. Под прикрытием очень кстати выезжающего катафалка оба быстро пересекли улицу и, нырнув в переулок, исчезли из поля зрения.

«Пиджак» явно не ожидал такой прыти и сориентироваться не успел. Зло зыркнув вслед улепетнувшей прямо из-под носа добыче, он поднял кружки, понюхал их и внимательно просмотрел на свет. Видимо, не обнаружив ни цианистого калия, ни проявляющихся на солнце чернил, «пиджак» снова обмяк и, очень правдоподобно пошатываясь, вернулся на своё рабочее место.

– Ну, Феденька, может, ты и, действительно, гений, но есть вероятность, что об этом никто никогда не узнает! – Аполлон колыхал рубашкой, остужая разгорячённые тела. – Как ты до сих пор на свободе-то ходишь?

– А что случилось? Я же никакой крамолы не говорил? Я высказывал своё мнение!..

Федя был совершенно бледный и, шумно дыша, обмахивался шляпой.

– Может быть, я не прав? Может быть, заблуждаюсь? Так докажи! Докажи, пожалуйста! Ну?..

Аполлон молчал. Вид Феде красноречиво напоминал о хлебе насущном и вызывал голодные спазмы в желудке.

Вампир

Перекусив в первой подвернувшейся точке общепита с почти ресторанными ценами и помойными блюдами, Аполлон и Федя, ужасно отрываясь и болезненно кривясь, направились к одному из центральных городских скверов. За памятником Владимиру Ильичу Ленину, в кафе «Акку», что переводилось как «Белый лебедь», их ждал Наум Аркадьевич. Пододвинув каждому по розетке с мороженым, он снял очки, протёр их и весело прищурился:

– Ну что ж, друзья, поговорим о вампире Бахтубекове.

Федя поперхнулся и выпучил глаза...

Аполлон хлопнул его по спине и покачал головой.

Мир знал много воров с именем и оригинальными характеристиками. Например, «голубой воришка» Ильфа и Петрова, когда крал, краснел. Были воры и гораздо менее стыдливые, но всё-таки не потерявшие человеческого облика. А профессионализм некоторых даже вызывал восхищение. «Багдадский вор!» – звучит даже как-то гордо... Так вот, председатель профкома Бахтубеков был серостью, дрянью и вряд ли человеком. Фигура заурадная, но, как вошь, столь же неприятная и в лихие годы шибко уж плодящаяся. Крал он с детского садика, и столь великий стаж в этом виде деятельности породил не менее великий опыт, который опирался не на творческую изобретательность и избирательность, а лишь

на банальный хапальный рефлекс. И это была не болезнь, а ещё с детства сформировавшееся стойкое, противоположное коммунистическим байкам, мировоззрение: «Никому! Только себе!». За пятьдесят пять лет жизни опыт Бахтубекова был настолько всеобъемлющ, что поймать его за руку было практически невозможно.

Крал Бахтубеков молча и.

Улыбался редко и недобро...

Садистски посмеиваясь, он представлял себе, как наивные смешные граждане, живущие на одну зарплату и настоявшиеся после работы в очередях, лихорадочно перелистывают вечерами рассказы о Дзержинском и других великих с холодными умами, горячими сердцами и чистыми руками.

Люди всё ещё пытались верить в своё светлое будущее, и это действительно было смешно!

Надо сказать, что на этот смеху Бахтубекова были не только личные мотивы. Брат его, Ербол, работал в городском управлении внутренних дел в отделе БХСС в чине майора и, не обладая ни одним из вышеперечисленных качеств, считал себя уже живущим в коммунизме, то есть получал всё по потребностям. Являясь живым примером для сошек поменьше, он не упускал ни крупицы информации о себе подобных, занимающих гораздо более крупные ключевые посты в пределах республики. Мало того! Временами из сверхсекретных внутренних каналов просачивались и кое-какие сведения о великих хищниках – маяках внутреннего управ-

ленческого мира всесоюзной категории и масштаба. Тут уж, как говорится, чем выше был пост, тем больше возможностей и шире поле деятельности. Естественно, что Бахтубеков был в курсе нравственной погоды в верхах на сегодня и поэтому спал по ночам без вздрагиваний.

Когда Федя прокашлялся и смахнул слезу, Наум Аркадьевич надел очки и повторил:

– Поговорим о вампире Бахтубекове, друзья! О нашем профкоме! Хотел я этот разговор отложить для более подходящего случая, но человек предполагает, а Бог располагает: сегодня вечером я вылетаю за консультацией и протезированием в Киргизию к моему другу, а потом к сестре в Москву. У неё обнаружили опухоль.

Аполлон болезненно сморщился:

– Так опухоль же...

– Именно так, Поль! – прервал Наум Аркадьевич. – Именно опухоль, а «же» под вопросом. Ещё неизвестно, что было у твоей мамы вначале. Может быть, и саркома, а может быть, и что подоброкачественнее...

Аполлон вздрогнул и напряжился.

– Ну-ну... – доктор похлопал героя по колену. – Я это к тому, что сейчас наше здравоохранение – ой-ля-ля! Врачей штампуют, словно гайки. Причём со знаком качества на знаменитом мягком месте. Мыслители и исследователи не котируются. Человека никто не видит! Зачем думать и что-то уметь, когда кругом такая компьютеризация и механизация...

ция. Но мы отвлеклись от главного – от нашего врага номер один. Кровь двух наших Народных театров, как и кровь всех остальных коллективов, включая все массовые мероприятия, как минимум на одну четверть высасывает лично он. Я имею в виду дотации Облсовпрофа, завода и другие финансовые поступления.

– Ну, мне-то этого ты мог и не говорить, – хмыкнул Федя.

– Ничего-ничего. Послушаешь...

В отличие от парторга, тыканье Феде было не фамильярностью и хамством, а требованием самого эскулапа. Несмотря на чудовищную разницу в возрасте, они были друзья «не разлей вода!».

– Да, – продолжал доктор. – О крови, которую высасывает профком и его тёплая административная компашечка из самого завода, я сегодня распространяться не буду. Хотя можно было бы...

– Рассказать об исчезновении коленвалов, аккумуляторов, стартеров, радиаторов, карбюраторов, гаек, винтов, инструментов и даже постельного белья с печатями из заводского общежития! – перехватил Федя.

– Вот-вот! Не будем хватать два яблока одной рукой. Тем более таких, как наш гигантский кроваво-красный алма-атинский апорт. В общем, будьте внимательны. И не забывайте, что высшая политика – это превращение врагов в друзей, хорошая – когда враги вынуждены вести себя, как друзья, и дерьмовая – превращение друзей во врагов. По-

следний вид характерен для Феденьки...

– Ну, знаешь, Ньюма... – Федя обиженно надулся.

– Ты, мой друг, не обижайся. Ты – это я в молодости. Так что у тебя всё ещё впереди! А я предостаточно лесу нарубил в своё время. И по существу и не по существу. Но для того, чтобы стать хорошим дипломатом, одного опыта мало. Надо всё таки иметь такую мелочь, как талант. В вас, Поль эта искра чувствуется, и потому не отпускайте Феденьку от себя ни на шаг. Он может таких дров наломать... Берите его под опеку, и как директор, и как старший товарищ.

Аполлон улыбнулся, вспоминая пивнушку «У морга».

– Может наломать, может... Это у него есть...

– Ну, знаете, граждане...

– Подожди, Феденька, подожди! Я это к тому, что мне лично больше, чем на «хорошо», не удалось вытянуть. В общем, повторяю ещё раз – будьте внимательны! Если же станет совсем неважно, обращайтесь к парторгу.

– К кому?

Федя рассмеялся.

– К парторгу, Феденька, к парторгу! И прямо от моего имени. Во-первых, он тоже не переносит Бахтубекова так как, видимо, не в доле, а во-вторых, пока я реализовываю свои инициативы в клубе, он будет любить меня любовью брата, а может быть, ещё сильнее! – Наум Аркадьевич опять лукаво прищурился и цокнул языком. – Цели ясны, задачи поставлены – за работу, товарищи! Кто так говорил?

– По-моему, Хрущёв... – начал Аполлон, но доктор не дал договорить.

– И по-твоему, и по-моему! Зализали сначала, а потом в помойную яму... Ох, и любят у нас это... – доктор посмотрел на часы и встал. – Пора! Мне пора!

Некоторое время после ухода доктора Аполлон и Федя доедали мороженое, но так как ядовитая жажда после принятой недавно пищи не проходила, то Аполлон пошёл в буфет за лимонадом. И тут случилось...

Впрочем, всё по порядку!

Недалеко от Феде расположилась тёпленькая компашечка молодых смуглых особей мужского пола в белых штанах и таких же белых олимпийских куртках. Развязно двигаясь, они разливали по стаканам «Пшеничную».

Приняв на «грудь», особи расслабленно откинулись на спинки стульчиков и, разобрав из лежащей посередине сдвинутых столов пачки фирменных «Казахстанских» по сигаретке, манерно закурили, а маленький толстенький «олимпиец» с малорельефным, словно надутым, холёным лицом и брезгливо оттопыренной губой поднялся и, плавно раскачивая бёдрами и манипулируя тут же нарочно затушенной сигаретой, начал обход столиков. Зуд жажды общения горячими волнами растекался из его желудка по телу.

Не встретив у соседей отклика на его «пшеничную» жажду, «олимпиец» бухнулся на свободный стульчик рядом с Федей.

– Ну что, земляк, может быть, и у тебя огоньку не найдётся? – спросил он.

– Не курю, – ответил Федя и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Однако «ходок» так не считал. Примериваясь, он оглядел далеко не спортивную фигуру Феде.

– Да-а? Может быть, ты ещё и не пьёшь?

Тут бы и смолчать Феде, да разве он мог!

– Да уж чтобы нажираться с утра...

– Брезгуешь? Понаехали тут всякие белые да пегие...

И без того неширокие глаза холёного «олимпийца» ещё больше сузились и налились первобытной шовинистической яростью.

– С гонором ты, значит, харя русская! Ха!.. – и особь в олимпийской курточке от всей своей щедрой души врезала Феде.

Соседние столики замерли, а «олимпийская братия» как по команде вскочила и дружно метнулась к месту события.

Федя с детства был всегда битый. Во-первых, потому, что с пелёнок ангинил, а во-вторых, потому, что лез, куда не следовало и стремился восстановить справедливость даже там, где необходимо было подчиниться пословице, гласящей, что если двое дерутся, то третий может оказаться, как и в любви, лишним.

Однако один приём модного «карате» он знал и не замедлил применить его. Возвращающийся с двумя бутылка-

ми лимонада Аполлон успел лишь изумлённо увидеть взметнувшуюся ладонь Фёдора и сползающий под стол «олимпийский мешок».

В следующие же несколько мгновений над художественным руководителем нависла рычащая и ухающая белая ша-тия.

– Урр! Урр (Бей! Бей!)!.. – неслось по скверу.

Федю били!..

Оставив лимонад на каком-то безымянном столике, Аполлон сделал несколько прыжков и погрузился в белое месиво. С этой секунды публика в кафе, громко орущая и визжащая, но, как всегда, ничего не предпринимающая, была осчастливлена незабываемым зрелищем как бы ожившего эпизода из американского кинобоевика.

Не прошло и тридцати секунд, как Аполлон, уже второй раз за это удивительное утро, тащил за руку теперь уже одуревшего от побоев Федю.

Пересекая сквер по диагонали, друзья стремительно удалялись от места, где среди разбросанных столиков и стульев лежали восемь «олимпийских мешков», а над ними гудела и суетилась толпа зрителей...

У выхода из сквера Аполлон резко замедлил ход и горячо выдохнул в ухо позеленевшего друга:

– Соберись! Сгруппируйся! Надо смешаться с толпой!..

Вдалеке послышался вой милицейских сирен.

– Спокойно, Феденька, спокойно... Не торопись, голуб-

чик, не торопись... Переходим улицу... Та-ак, таак... Очень естественно переходим и, не привлекая внимания, смешиваемся с толпой на троллейбусной остановке «Детский мир»... А вот и троллейбусик наш подошёл... Садимся, Феденька, садимся. Мы с тобой очень везучие... Да не торопись ты, золотенький мой, не торопись. Пропусти гражданочку с лялечкой... Ну, вот и поехали... Теперь можешь дышать чаще, и переминайся с ноги на ногу а то сердце надорвёшь...

Мимо набирающего ход троллейбуса, оглушительно воя, промчались два жёлтых милицейских «газика»...

Далеко ехать друзья (теперь именно друзья, а не просто коллеги) не стали, а сошли на следующей остановке. Перейдя через подземный переход, они расположились на одной из скамеек ещё одного небольшого, но очень популярного скверика «У оперы». Тут снова приготовившийся к выговору Федя был неожиданно удостоен похвалы:

– Молодец! Удар был профессиональный!

Федя от удовольствия порозовел и даже перестал на мгновение чувствовать ноющую боль во всём теле.

– Да это... Случайно так получилось... Рефлекторно...

Больше я ничего не умею...

– Плохо! Надо уметь! Победители вдохновляют, а побеждённые разочаровывают! Вот как эти дутые...

– Курточки-то фирменные!

– Сильно тебя сегодня зашибли... Кому только после олимпиады не понапродавали их по благу!..

Аполлон вынул из кармана расчёску и зеркальце и, приведя себя в порядок, начал причёсывать Федю.

– Ты что?.. Иди ты!.. – смущённо отмахнулся тот.

– Наум Аркадьевич велел мне о тебе заботиться...

Смеясь, Аполлон отдал зеркальце и расчёску.

По аллее сквера, направляясь прямо к друзьям, шёл низенький поджарый мужчина в скромном сером костюмчике и такой же серой, слегка выцветшей рубашонке.

Увидев мужчину, Федя побледнел.

– Поль, этого не может быть, но к нам идёт Бахтубеков!

Аполлон встрепнулся.

– Ага... Вижу... Под мышонка работает... Типичный Корейко! Похоже, что вы правы – хищник крупный! Не дрейфь! Сегодня я в хорошей спортивной форме. Только прошу тебя, милай, не встречай. Первое появление героя на сцене – это всё!

– Что же мне делать?

– Головушку свою буйную расчёсывай, головушку!

Аполлон оттолкнулся от скамейки обеими руками и, обязательнейшим образом улыбнувшись, широко распахнул их:

– Нашему дорогому профкому горячий, пламенный привет от скромных тружеников культурного цеха! Присаживайтесь, ата (отец), пожалуйста! Погода сегодня как никогда располагает к деловой непринуждённой беседе.

Бахтубеков слегка замешкался.

– Новый директор... Знаю... знаю... Болел я... И не до

бесед мне сейчас, не до бесед. Идёт напряжённый трудовой рабочий день, – забубнил он автоматически. – Советский народ создаёт материальные ценности...

– Совершенно справедливо, ата! Вы в поте лица создаёте материальные, а мы – духовные. Надеюсь на самый тесный и продуктивный контакт!

– Ого! – подумал Бахтубеков, но вслух сказал: – Партия учит нас беречь каждую трудовую копейку. Не разбазаривать драгоценное время, фланируя по паркам и скверам, а находиться на своём рабочем месте и создавать, созидать! Во имя...

Аполлон так энергично, подтверждающе кивнул головой, что Бахтубеков умолк.

Зная, что нападение не терпит паузы, герой тут же ещё более мобилизовался и ловко закончил фразу:

– Во имя! Конечно же – во имя! Что мы с вами делали, делаем и будем делать всегда!

Бахтубеков опять смешался, не зная, как реагировать. Однако автомат в его голове быстро щёлкнул, и, постепенно разгоняясь, он снова увещательно загудел:

– Экономная экономика – вот главное на сегодняшний политический момент. Вы должны быть в этом плане на высоте. Чтобы всё делалось по-партийному. По-партийному! Вы должны...

– Ата! Всё понятно! – опять прервал Аполлон. – Политстенды, политплакаты, наглядная агитация и пропаганда –

это главное! Это тот основной проводник, тот контакт, посредством которого наша родная партия осуществляет своё мудрое руководство и утверждает принцип демократического централизма! Мы как раз и вентилировали с художественным руководителем этот вопрос. Правда, наши взгляды на первостепенность данной генеральной задачи несколько разошлись. Тем более что Фёдор Петрович уверяет, что даже на столь важную кампанию вы не в состоянии выделить куска фанеры метр на метр.

– Что-о? – Бахтубеков зло сверкнул из-под опалённых коротких ресниц в сторону Феди, а Федя удивлённо уставился на Аполлона.

– Вот и я уверяю Фёдора Петровича, что он просто неправильно вас понял. Некоторая нехватка, конечно, может иметь место. Это при теперешних темпах движения вперёд – естественное явление, но на стенды показателей, портреты новаторов, рационализаторов и, наконец, центральную галерею портретов наших руководящих членов...

– Вас, кажется, зовут Аполлоном? – в свою очередь прервал героя Бахтубеков.

– Для родных, друзей и соратников – Поль!

– Так вот, Поль, вы, я вижу, человек дела, а не какой-нибудь пустозвон... – Бахтубеков опять зло стрельнул глазами в сторону Феди. – Обращайтесь в любое время, и всё, что будет в моих силах, будет сделано. И вообще, мне кажется, мы с вами найдём общий язык. Вот вам моя рука!

Аполлон крепко пожал протянутую руку и весело пропел: «Кто весел, тот смеётся, кто хочет, тот добьётся, кто ищет, тот всегда найдёт!». Что-нибудь!..

– Артист! – понимающе улыбнулся Бахтубеков.

– Профессионал! То, что надо! Не правда ли – каждому своё и по способностям! Но по шарам! Партия о муэрте! (Но пасаран! – они не пройдут! Патриа о муэрте! – Родина или смерть!).

– Муртэ, муртэ... – машинально и почти правильно, повторил завком, мучительно вспоминая, что бы это значило. – Весело у нас теперь будет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.